Mimeographed Series No. 58

Civilian Life Under the German Occupation, 1942-1944

by

Vladimir D. Samarin

Research Program on the U.S.S.R.
New York City
1954

Mimeographed Series No.58

CIVILIAN LIFE UNDER THE GERMAN OCCUPATION, 1942-1944

by

Vladimir D. Samarin

RESEARCH PROGRAM ON THE U.S.S.R.
401 West 118th Street, New York 27, N.Y.
1954

Pages: 90
Price: $1.00

This memorandum is made available for the information of interested scholars. It was produced with the financial help of the Research Program on the U.S.S.R. (East European Fund, Inc.) The author is responsible for its contents. The material is distributed in preliminary form without critical editing by the Research Program. Any inquiries about this manuscript or its author should be directed to the Research Program.

No. 58

Civilian Life Under the German Occupation, 1942-1944

by

Vladimir D. Samarin

Mr. Samarin witnessed the German occupation of Voronezh in July 1942. When the Germans forcibly evacuated the civilian population of that city, Mr. Samarin moved to German-occupied Oryol where he joined the staff of the Russian-language newspaper Rech' as a journalist. He left the U.S.S.R. in 1944 as the Soviets moved westward.

Mr. Samarin bases his account on personal observations and on talks with such sources as members of the local self-government bodies in the German-occupied area, journalists, and officers and men of the voluntary anti-Bolshevik Russian military units. His report illustrates the dilemma confronting Russians in the occupied areas who opposed the Bolshevik regime as well as the policy of the Germans, but could evolve no third force strong enough to serve as the vehicle for realizing their goals. This dilemma was symbolized by a pitched battle which took place between two armed Russian units, both desiring an independent Russia free of Bolshevik and German control, but each having chosen opposite temporary alliances as the method for attaining this goal.

Many aspects of life in the occupied zone are discussed in the report: the creation of spontaneous *ad hoc* organizations to accomplish community objectives, the Vlasov movement and other political currents, the successive stages of anti-Bolshevik propaganda, and the failures of German policy in the occupied zone.

№ 58

С о д е р ж а н и е .

№ 58

Вместо введения.

В своей работе я использовал как личные наблюдения, так и собранные мною свидетельства современников, участников событий, - работников местных самоуправлений, печати, офицеров и солдат добровольческих антибольшевистских отрядов.

На основании различных свидетельств будет легче сделать наиболее объективные выводы.

Мои личные впечатления и наблюдения относятся не к одному какому-нибудь пункту, не к одному городу или местности, а к обширным территориям средней полосы России и ее западных областей.

Мне пришлось жить и бывать в Воронеже, Курске, Орле, Смоленске, Могилеве, Брянске, Орше, Бобруйске, Бежице, Карачеве, Осиповичах, Брест-Литовске и других городах. Во многих селах Орловской, Брянской, Смоленской, Бобруйской и других областей. В глухих партизанских районах.

Изучение опыта последней войны нужно и для будущих историков, и Западу и нам самим.

Накануне войны.

Воронеж. Весна 1941 года. В квартире инженера одного из воронежских заводов, моего знакомого, оживление: только что приехал младший брат, лейтенант Красной Армии. Его дивизия, расквартированная в Львове, принимала участие в "освобождении" Западной Украины. Лейтенант бывал в командировках и в Прибалтике.

Естественно, разговор сразу же коснулся международного положения, возможности войны. Кроме меня, в комнате не было посторонних. Лейтенант знал о моих дружеских отношениях со старшим братом, и поэтому говорил откровенно. Он рассказывал о лихорадочных военных приготовлениях, которые проводились большевиками на западных границах весной 1941 года, о постройке сети укрепленных районов, о сосредоточении войск, снаряжения. Рассказывал о переформировании многих дивизий, о новых танках последних марок, прибывающих в армию. По его словам, Красная Армия должна была быть готова к удару по Германии к 1942 году.

- А тогда, - закончил он свое повествование, - в две недели до Берлина докатимся.

Старший брат, все время внимательно слушавший, покачал головой:

- Смотри, Петя, как бы в обратную сторону не покатились. Воевать-то бойцы твои очень хотят?

Спор затянулся до глубокой ночи.

Лейтенант Петя в какой-то мере отражал те настроения, которые были присущи известной части командного состава армии, расквартированной в захваченных частях Польши и в Прибалтике. С одной стороны, в армии появились антисоветские настроения, явившиеся следствием знакомства армии с жизнью за рубежом. Армия увидела, как жили народы Латвии, Эстонии, Литвы, даже небогатой Польши. Сравнение жизни за рубежом с жизнью в нашей стране не могло не вызвать вражды к большевистскому режиму.

С другой стороны, продуманной пропагандой, подогревающей патриотические чувства командиров и бойцов, рисуя перед ними перспективы "освобождения" всей Европы, большевики от-

части локализовали антисоветские настроения, постоянно подогревая вот те настроения, которые привез с собой в Воронеж лейтенант Петя.

Настроения его старшего брата были типичными для настроений внутри страны, где не разделяли восторгов армейской молодежи, мечтавшей о взятии Берлина. Да и в среде самой этой молодежи такие настроения отнюдь не доминировали. Старший командный состав еще хорошо помнил ежовщину, и его настроения никак не свидетельствовали о том, что Сталин может полностью положиться на офицерство Красной Армии. Красноармейская масса в своем подавляющем большинстве отражала настроения всей страны - в общем враждебные режиму.

Настроения в стране не были совершенно однородными, как они не однородны и сейчас: они колебались от безоговорочного признания большевизма до безусловного отрицания его. Можно назвать несколько категорий тогдашнего отношения к режиму.

1. Люди, связанные с режимом общими преступлениями и общей ответственностью за них, одновременно разделяющие идеологию большевистского режима, а также люди, потерявшие идейную почву, но продолжавшие поддерживать его в силу тех же связей общей ответственности за совершаемые режимом злодеяния.

2. Люди, поддерживающие режим, в силу чисто личных, шкурных соображений, боящиеся потерять со сменой режима свое привилегированное положение, материальное благополучие.

3. Люди, считавшие, что большевизм явление русское, что Сталин защищает интересы России, а также люди, считавшие, что большевизм имеет некоторые недостатки, которые нужно исправить, но уничтожать большевизм не следует, ибо всякая попытка борьбы нанесет ущерб интересам России.

4. Люди, считавшие большевизм злом, которое должно быть уничтожено по возможности без ущерба для России.

5. Люди, считавшие большевизм злом, которое должно быть уничтожено любой ценой.

6. Инертная масса антисоветская, ничего не предпринимавшая, а также инертная масса аполитическая, тоже ничего не предпринимавшая.

Численный состав каждой категории определить представляется возможным лишь очень приблизительно. Люди первой ка-

тегории составляли явное меньшинство. Самая многочисленная категория, пожалуй, антисоветская масса, ничего не предпринимавшая. На втором месте после нее четвертая и пятая категории. Эти категории дали наиболее антибольшевистские кадры, действовавшие во время войны. Зато инертная антисоветская масса бросала в 1941 году оружие на фронте: защищать большевизм она никак не хотела.

В конце апреля 1941 года начался массовый вызов в военкоматы всех, зачисленных в нестроевые части, всех, кто не был взят ранее в армию в связи с "чуждым" происхождением, судимостью и т.д., всех получивших ранее отсрочки по болезням, а также вообще освобожденных от военной службы по болезни.

Весь май военкоматы работали по 12 часов в сутки. Медицинские комиссии знали только одно слово: "Годен." По сути дела происходила скрытая всеобщая мобилизация.

В средине апреля в газетах появилось опровержение ТАСС, в котором говорилось, что сообщения "некоторых заграничных" газет о переброске германских войск с Балкан к границам СССР "не соответствуют действительности". А в то же самое время к западным границам СССР непрерывным потоком шли немецкие моторизованные дивизии.

Советский человек, привыкший читать газеты между строк, с особым вниманием, обычно, прочитывавший опровержение ТАСС, не мог не заинтересоваться этим опровержением, тем более, что оно касалось самого главного: возможности войны. Опровержение свидетельствовало о том, что германские армии, действительно, сосредотачиваются у границ СССР.

О войне стали уже говорить, как о чем-то уже неизбежном. Несмотря на официальные заявления большевиков о непобедимости Красной армии, несмотря на многолетнюю пропаганду, которая не уставала твердить о мощи и несокрушимости армии, несмотря на боевой задор новоиспеченных лейтенантов, антибольшевистская часть нашего народа, большинство его - не верило в непобедимость Красной армии. Не верили потому, что знали настроения армии. Не верили и в военные способности большевиков. Война против маленькой Финляндии, наверно, самая позорная война в истории России, - укрепила эти настроения.

Страна ждала войну. Не все, однако, ждали ее с одинаковым чувством. Большинство с надеждой на освобождение, но и

со страхом перед неизвестностью: война несла жертвы, страдания. Разгром большевизма, о котором говорили, как о само собой разумеющемся, и победа иноземных сил могла привести к ущемлению интересов России. Каковы планы немцев относительно будущего России? Против кого они хотят воевать? Против Сталина, или против России? Эти вопросы горячо обсуждались в узком кругу друзей и среди убежденных антибольшевиков и среди приверженцев большевистского режима.

Советская пропаганда рисовала звериный облик фашизма, твердила о немецких планах расчленения России, уничтожения народа. К ней прислушивались, внимательно читали все сообщения, еще внимательней смотрели между строк, ибо советской пропаганде не доверяли

Война началась.

Страна ждала войну и в то же время война явилась неожиданностью - и для народа и для самих большевиков. Советская разведка, конечно, была осведомлена о передвижениях немецких войск, об их сосредоточении у наших западных границ, но немецкие дипломаты сумели убедить Сталина в своих мирных намерениях по отношению к Советскому Союзу. Сосредоточение советских войск на границах с Германией, поспешная мобилизация ряда возрастов, призыв нестроевиков и освобожденных по болезни - проходил в общем плане давно задуманной подготовки вторжения в Европу, но не в связи только с ожиданием нападения Германии. Уйдя с головой в подготовку наступательных операций Красной армии, советское командование не провело почти никаких оборонительных мероприятий.

Как свидетельствуют участники событий, командиры Красной армии, усиленно готовились именно к наступательным операциям.

Майор Красной армии В. Г., штабной работник, находившийся в штабе одной из дивизий, расквартированных в Польше, рассказывает, что весной 1941 г. штабы получили новые карты - только от границ и до Берлина. Когда началось общее отступление армий, штабы оказались без карт.

Неожиданным для большевиков, очевидно, было и решение Гитлера напасть на СССР летом 1941 года, неожиданным был и сам день нападения. Если о решении Гитлера начать войну в

1941 году большевики и могли знать, то день нападения немцы сумели сохранить в тайне.

Я узнал о войне в Ялте, в туристском доме учителя. Как часто бывает в жизни, долго ожидаемое приходит внезапно. Я приехал в Крым 17 июня. Побывал в Гурзуфе, Алуште, Алупке, поднимался на Ай-Петри. Одним словом, проводил день, как проводят их в Крыму рядовые советские граждане, приехавшие по туристской путевке. В доме туриста останавливались сотни человек из разных концов страны. В столовой, в клубе, в читальне, в совместных поездках по Крыму люди знакомились ближе. Говорили и о политике, и о войне, но не чаще, чем всегда - о войне.

22 июня день начался, как обычно: какие-то группы поехали в Никитинский сад, какие-то в Ливадию, большая компания отправилась пешком в горы. Пляжи пестрели женскими нарядами. Как всегда, плескалось о берег море, как всегда, светило яркое крымское солнце... После года тяжелой, нервной работы, отдыхали, пользуясь летним отпуском. Кажется, люди забывали порой и о большевизме. Во всяком случае, газет никто не читал; последние политические известия по радио не слушал.

Около часа дня я зашел в клуб дома туриста. У радио - приемника сидело несколько человек. Выражение их лиц мне показалось странным.

- Идите сюда, сейчас Молотов будет говорить. Что-то важное...

"Ну, что там может быть важное" - подумал я, - и вышел из клуба. А потом словно что-то вспомнил. Опровержение ТАСС... Мой недавний вызов в военкомат и мало приятная резолюция военного комиссара: "До особого распоряжения"... Я вернулся. Открывая дверь, услышал заикающийся голос Молотова:

- Бомбили наши города: Киев, Житомир, Севастополь"..

Вот-оно! Началось! Сидевшие у радиоприемника слушали с напряженными, бледными лицами. Немного в стороне, на диване, лежала в обмороке женщина. Ее обмахивали носовыми платками двое, по внешнему виду иностранцы: за полчаса до речи Молотова из Польши приехала не то какая-то делегация, не то группа экскурсантов. Приведя в чувство свою спутницу и не дослушав Молотова, они бросились на автобусную станцию. Вряд ли им удалось попасть в родные места: уже к вечеру распространился

слух о наступлении немцев, о прорыве фронта и первых танковых клиньях.

Я тоже отправился на автобусную станцию. Нужно было спешить домой. Во-первых, могли здесь же мобилизовать в армию, во-вторых, не было никакой уверенности в том, что не прекратится пассажирское сообщение.

Автобусную станцию осаждали сотни людей. На все распросы служащие станции отвечали одно и то же:

- Транспорт реквизирован армией. Подождите. Может быть завтра пустят.

А тем временем мимо проносились один за другим автобусы, набитые командирами. Пристань, где останавливались пароходы, ходившие между Батумом и Одессой, тоже запрудила тысячная толпа: теплоход "Абхазия", шедший в Одессу, бросил якорь в Ялте. Пассажирам объявили, ч о дальнейшие рейсы теплоходов отменяются.

Я решил попытать счастье в военкомате. Здесь царила атмосфера полной растерянности. Несколько человек командиров запаса явились по повесткам: их уже вызвали. Вызвали и несколько человек, имевших отсрочку. Один из них спорил с военным с двумя "кубиками" в петлице, сидящим за большим столом, спиной к открытому окну, откуда доносился взволнованный шум толпы на пристани и совсем мирный рокот моря. Сбоку от стола стоял человек, по виду профсоюзный работник, и намеренно громко говорил о "подлом враге, нарушившем наши священные рубежи".

Профработник пришел, оказывается, записаться добровольцем. На него посмотрели с нескрываемым любопытством.

- А семья есть? - спросил кто-то.

- Нет, холостяк. Да все равно ведь возьмут, - добавил он неожиданно и не громко.

Все заулыбались. Герой оказался не настоящим...

Спор у стола окончился. Я подошел к военному, делая вид, что очень спешу, что мне абсолютно некогда.

- Товарищ военком, - заговорил я как можно убедительней

и быстрее, чтобы не дать ему опомниться, - я из Воронежа. Час назад получил телеграмму. Спешно вызывает военкомат. Выехать, как вы знаете, гражданскому лицу нет никакой возможности. Я говорил уже на автобусной станции. Можно сесть в военный автобус, но для этого нужно ваше распоряжение. Вот мой военный билет. Вот паспорт.

Военком смотрит на меня несколько мгновений, потом, не глядя в мой военный билет и не спрашивая телеграммы, которой я, конечно, не получал, пишет что-то на клочке бумаги.

- Фамилия, имя, год рождения...

Я говорю.

- Поезжайте!

- Спасибо, товарищ военком.

На автобусной станции жду не долго. Когда подходит очередной автобус, патруль, пропускающий военных к автобусам, мельком взглянув в протянутую мною бумажку, пропускает меня к открытой двери автобуса.

- Мест нет, все занято, - раздаются оттуда голоса командиров.

- У меня спешное, - говорю я негромко патрулю.

- Из военкомата, спешное! - кричит он в автобус.

Шофер пропускает меня. Мест, действительно нет, и я усаживаюсь в проходе на свой чемодан.

В Алуште автобус останавливает военный патруль. Лицо лейтенанта, начальника патруля, необычайно сосредоточено. Он заглядывает в автобус, оглядывает командиров внимательным взглядом и останавливается на мне:

- А это кто?

- Я молчу, выжидаю.

- Это из военкомата, - говорит ему командир с двумя "шпалами", сидящий у двери. - Из Ялты.

- Ага! - понимающе говорит воинственный лейтенантик. - Можете ехать.

Автобус трогается.

- Как на фронте! - раздается сзади меня полунасмешливый голос.

Действительно, как на фронте. Во время отступления...

Симферополь выглядел оживленнее, чем неделю назад. У магазинов очереди, на улицах группы военных. Вот прошел взвод в новом, видимо только что одетом, неглаженном обмундировании.

Нестройными голосами, с печальными лицами, красноармейцы пели:

В бой за Родину
В бой за Сталина.

В Харькове я делал пересадку. Пробыл у своих друзей два дня. Уже пришли с фронта первые грозные вести: немцы сокрушили линию обороны советских армий и наступают по всему фронту. Советские части частично отступают, частично сдаются в плен. Сведения с фронта быстро проникали глубоко в тыл. Я совершенно ясно помню, как мы с моим другом сидели над картой и обсуждали вопрос о том, когда немцы будут в Харькове. Помнится, что конец августа месяца считали наиболее вероятной датой... Такие тогда были настроения, такая уверенность в скором крушении большевизма.

3-го июля 1941 года Сталин произнес по радио речь, которую с напряженным вниманием слушала вся страна. Прерывающийся голос, булькание воды, стук зубов о стакан, неожиданное обращение "Братья и сестры"... После этой речи Сталина стало ясно: большевизм на краю пропасти, большевики и сам Сталин растерялись. Позже им удалось справиться с положением. Отступление немцев под Москвой в ноябре-декабре явилось поворотным пунктом в войне. Но тогда, в июле и в августе, большевизм был на краю пропасти. В сознании народа рухнул миф о непобедимости большевизма, заколебались и сами большевики, даже самые идейные.

С фронта шли все новые и новые слухи о разгроме целых армий, о сдаче в плен сотен тысяч человек. Сводки Совинформбюро сообщали каждый день о падении крупных городов. Чтобы

скрыть размеры поражения, обширность оставленных территорий, Совинформбюро ввело особый термин - "направление".

Я не был на фронте. Всю вторую половину 1941 и первую половину 1942 г. я провел в Воронеже. О том, что происходило на фронте, знаю по рассказам очевидцев, офицеров и солдат Красной армии.

Фронт в 1941 году - это особая тома, и в своей работе я на ней не буду останавливаться подробно. Я коснусь фронтовых событий только потому, что они отразились на положении в занятых немцами областях. "Окруженцы", например, т.е. те командиры и красноармейцы, которые попадали в окружение, с одной стороны, пополняли ряды партизан, с другой стороны, шли в села и города, растворялись в среде мирных жителей, доставали документы, начинали работать, многие шли в формирующиеся добровольческие антикоммунистические отделы, в местное самоуправление, становились убежденными антибольшевиками.

Вот рассказ одного из окруженцев, принимавшего активное участие в организации местных самоуправлений и добро - вольческих частей в Брянском округе.

"Моя часть попала в окружение недалеко от Трубчевска. Немцы подходили уже к Брянску, далеко в нашем тылу, с юга они тоже прорвались далеко на восток. Где сомкнулись их наступающие части, мы точно и не знали. Связь была потеряна не только со штабом армии, но и со штабом дивизии. Полк наш / я командовал батальоном/ таял на глазах. Все уроженцы Орловской, Черниговской и других областей, занятых немцами, разошлись по домам. Вместе с ними уходили их друзья в расчете на то, что смогут где-нибудь устроиться. Часть красноармейцев хотела просто попасть в плен, но немцев поблизости не было. Их колонны прошли севернее и южнее. Только небольшая часть командиров во главе с командиром полка и несколько десятков красноармейцев решили пробираться на восток. У меня лично не было никакого желания защищать большевиков. Да, я знал, что идет иноземный враг, но я, как и многие тогда, надеялся, что немцы будут бороться против Сталина, а не против русского народа, что немцы помогут нам освободиться. Втроем, мы задержались в небольшом селе, на Десне, переоделись, потом пробрались в Брянск, где у меня были друзья. Я получил документы, принял участие в организации добровольческого

батальона. Два года воевал против партизан. Конечно, были минуты тяжелых колебаний. Ведь мы скоро убедились, что немцы пришли не освобождать наш народ от большевизма, а завоевать себе так называемое жизненное пространство. Но я решил идти по раз уже избранному пути. Все-таки где-то в глубине души теплилась надежда: разобьем с немцами Сталина, а потом посчитаемся с немцами. Не дадим им России, не смогут они ее поработить так, как Сталин поработил."

Если бы красноармейцам, сдавшимся в плен, немцы дали оружие - дни большевистского режима были бы сочтены. Немцы не только не дали оружия, они посадили 4 миллиона пленных за колючую проволоку и в течение зимы 1941-42 года истребили голодом большую часть их.

. . . . . .

Немцы идут!

Глубоко неправы те, кто говорят, что население СССР ждало немцев. Не немцев ждало, а ухода большевиков. Крушения большевизма ждали люди, а не установления гитлеровского "нового порядка". Понимали, чувствовали, что идет враг России, иноземный враг, - и все-таки ждали ухода большевиков, врагов внутренних, горячо ненавидимых.

Прихода немцев же ждали с двояким чувством: надежды и страха. Но, кажется, первое чувство заглушало все остальное. Это чувство выражалось словами: "Хуже не будет". Не могли люди представить себе, что может быть хуже, чем при большевиках.

Ожидание войны вообще не было связано с какой-то определенной страной, с каким-то определенным народом. До 1930 года надеялись на Францию. О войне с Германией заговорили после прихода к власти Гитлера, после первых антикоммунистических выступлений гитлеровских вожаков. При этом, никакой симпатии к этим вожакам никто не питал, идеологии их не разделял. О нацистской идеологии знали только по советской печати, и никаких положительных откликов она ни у кого не могла вызвать. Близкое знакомство с "идеологией" нацизма вызвало еще более отрицательное к ней отношение. Во время коллективизации, когда Германия не представляла собой мощной антибольшевистской силы, когда немецкие инструктора обучали на советских аэродромах советских летчиков, говорили о высадке английских десантов в Новороссийске, которые должны придти на помощь восставшим кубанским станицам.

И все-таки войну ждали, на немцев рассчитывали, как на силу освободительную. Не верили, что немцы придут завоевывать, порабощать Россию. Сомнения старались гасить в себе: тяжело было расставаться с надеждой, которой жили много лет.

Вполне понятно, что не все население, без всякого исключения, ждало войны с надеждой на освобождение. Война, как всякая война, несла большие страдания и жертвы. Наконец, само правящее меньшинство, в бытовом и партийном плане связанное с большевизмом, никак не могло ждать войну с чувством надежды на лучшее будущее; этой группе война несла смертельную угрозу.

В вопросе отношения к войне население делилось на несколько категорий, которые условно можно было бы охарактеризовать так:

- Правящее меньшинство, на которое непосредственно опирается правящая клика - высшее партийное руководство, почти все высшее советское руководство, руководство НКВД и часть работников НКВД - республиканского и областного масштаба, - страшилось тоже неудачного исхода войны.

- Партийный и советский актив вообще, часть беспартийных, занимавших ответственные посты в промышленности, городских органах управления и т.д. войны не хотели и боялись ее.

- Лойяльно настроенные по отношению к большевизму, считавшие, что большевистский режим защищает интересы России - войны тоже не хотели.

- Враждебно настроенные по отношению к большевизму, убежденные антибольшевики, пассивные, убежденные антибольшевики активные, искавшие путей борьбы против большевизма, находившие эти пути, боровшиеся, пассивные, аполитичные обыватели - все ждали войны, ждали крушения большевизма.

На занятых немцами территориях оставались не только потому, что хотели принять активное участие в борьбе против большевизма. Активно боролось и ждало возможностей борьбы отнюдь не подавляющее большинство. Пассивная, аполитичная масса, антибольшевистски в общем настроенная, оставалась и по причинам бытового характера: одни не хотели бросать собственные дома, обжитые места, другие не могли оставить больных или стариков, третьи вообще стремились переждать, пережить страшное время, уцелеть. Однако, вся эта масса была настроена все-таки антибольшевистски, пассивно антибольшевистски.

В деревне ждали "германца", не скрывая даже своих надежд. За редким исключением, деревня не эвакуировалась. Только в тех местах, где останавливался фронт и стоял некоторое время, иногда военное командование успевало эвакуировать жителей. Если эвакуированных успевали посадить в железнодорожные составы - их увозили. Если эвакуировали на подводах и пешком - крестьяне расходились по ближайшим тыловым деревням, а после того, как фронт перекатывался через них, возвращались в родные села.

О приходе немцев говорили открыто, готовились к разделу колхозов.

Там, где сельские коммунисты пользовались среди населения особенно дурной славой, можно было услышать открытые угрозы:

- Вот германец придет, тогда мы с ними по-другому будем говорить.

По распоряжению властей колхозы угоняли колхозный скот на восток. Колхозники всячески саботировали отправку скота. Нередко отправку гуртов скота задерживали под всякими предлогами до последнего момента, когда колхозное начальство садилось на лошадей и бежало на восток. Оставленный скот делили. Если скот все-таки угоняли, его старались задержать по дороге, прятали в лесу. Большинство скотогонов бежало с дороги назад домой.

Раздел колхозов начинался сразу же после ухода Красной Армии, а в некоторых местах делили еще так сказать при советской власти. Делили организовано, поровну. Обычно при разделе поднимался вопрос об имуществе раскулаченных. В тех селах, куда возвращались раскулаченные, им отдавались, если были целы, их дома, из колхозного имущества выделялся сельскохозяйственный инвентарь, скот.

Как и во времена крестьянских волнений в период коллективизации, раздел колхозного имущества начинали женщины, затем к ним присоединялись мужчины. Землю делили сами мужчины.

В начале августа 1942 года мне пришлось провести несколько дней в большом селе Хохол, Воронежской области. Прошел всего месяц, как село заняла немецкая армия, а жизнь в нем, несмотря на близость фронта, текла мирным путем. Работало волостное управление, в полиции за большим письменным

столом сидел грозный начальник, бывший командир Красной армии, готовилась к учебному году школа. Как раз в то время, когда я был в селе, шла уборка урожая. В этом районе немцы наступали так стремительно, что власти не успели эвакуировать ни рогатый скот, ни лошадей. Угнали только часть тракторов.

Крестьяне рассказывали, что так дружно, как в этом году, они никогда в колхозе не работали. Урожай собрали, действительно, в рекордно короткий срок, и, несмотря на то, что большую половину его взяли в качестве военного налога немцы, крестьяне получили хлеба больше, чем в самые урожайные годы при большевиках.

Не везде, однако, раздел колхозного имущества проходил гладко. В некоторых местах он носил характер бессистемного, неорганизованного растаскивания имущества. В ряде мест разделу колхозов препятствовали немцы. Так, на Украине, например, в тех областях,которые сразу же после их занятия немцами, отошли в ведение восточного министерства Розенберга, восстановили и уже разделенные колхозы. Немцы рассчитывали - и не без основания, большевистский опыт им импонировал - что через колхозы им будет легче грабить крестьянство.

Немцы сохранили на Украине, в так называемом Рейхскомиссариате, все большевистские заготовительные организации - Заготскот, заготсено, заготмолоко и т.д., - через которые по большевистской грабительской системе выкачивали из села продукты. Несмотря на это, крестьяне говорили на Украине, что при немцах они живут лучше - и, действительно, в материальном отношении они лучше жили, потому что ... немцев легче обманывать. "Гитлер, - говорили тогда, - тоже разбойник, как и Сталин, но глупый разбойник".

Город, как и деревня, ждал немцев, в городе, как и в деревне, тоже происходил раздел. Только здесь делили не плуги и коров, а сливочное масло и мануфактуру. Продукты и товары разбирали из магазинов и со складов с сознанием, что берут свое, народное добро, присвоенное чужой, антинародной властью.

"Инициативные группы" устанавливали очереди, следили за тем, чтобы брали всего поровну. Так было, например, в Воронеже при дележе подсолнечного масла. Два или три человека, рабочие складов, аккуратно вскрыли все баки, следили за тем, чтобы масло не разливали на землю. Из очереди раздавались одобрительные голоса:

- Правильно, правильно! Аккуратнее надо. Наше ведь добро, народное.

Так же организовано разбирались продукты из Воронежского холодильника. Там тоже в раздаче продуктов принимали участие рабочие самого холодильника.

Уничтожение большевиками заводов, фабрик, шахт, проводимое по приказу Сталина вызывало повсеместное возмущение рабочих.

Так в октябре 1941 года, когда немцы подходили к Москве, на заводе № 8, им.Калинина, началась спешная эвакуация оборудования, затем были заминированы все цехи завода. Минировали завод саперные части Красной армии. Когда рабочие узнали, что завод будет взорван, на заводском дворе состоялся многолюдный митинг, на котором ораторы из среды самих рабочих в числе других требований, предъявленных властям, предъявили и требование о том, чтобы завод был немедленно разминирован. Митинг носил остро политический характер. Отдельные ораторы призывали рабочих не останавливаться на полпути, не ограничиваться экономическими требованиями, а обратиться к рабочим других заводов, чтобы покончить с советской властью. Требование о разминировании завода было в речах всех ораторов: рабочие смотрели на завод, как на свою собственность.

Интересные сведения сообщает С.Н.Марченко, выступивший в свое время на процессе Кравченко, о событиях в Донбассе, тоже в октябре 1941 г., когда немцы подходили к Ворошиловграду. Было это в поселке Бис-Криворожье.

"Мне, как заведующему продуктовой базой, было дано распоряжение от имени секретаря райкома Загорайко о том, чтобы я ни одного грамма продуктов не выдавал населению. Начался поход. В то же время сами коммунисты брали с базы продукты в неограниченном количестве и грузили в стоявшие на станции составы, в которых должны были быть эвакуированы их семьи. Эшелоны с коммунистами были остановлены населением на станции Брянка.

В полуторах верстах от станции железнодорожное полотно завалили шпалами. Первый эшелон врезался в них и стал. Толпы шахтеров и шахтерок отбирали у бегущих коммунистов награбленные ими продукты и тут же делили. Самих коммунистов тоже выбрасывали из вагонов.

18 октября стало известно о подготовке к взрыву шахты Бис-Криворожье. Часов в 12 дня группа солдаток, жен мобилизованных шахтеров, прорвалась на двор шахты, где коммунисты и саперы готовили взрыв шахты. Коммунисты заявили шахтеркам, что шахта взрывается по распоряжению правительства. В ответ из толпы раздались негодующие крики. Толпа все росла. В ней было уже много мужчин.

При шахте Бис-Криворожье существовала горно-спасательная станция, персонал которой имел "броню" и не был послан на фронт. Толпа потребовала, чтобы специалисты из горно-спасательной станции немедленно разминировали шахту.

Василий Коржевой со своим напарником Олейниковым выполнили просьбу народа. Они спустились в шахту, разминировали ее, затем разминировали хозяйственный двор, когда туда из шахты было выброшено около тонны динамита.

В 4 часа дня, того же 18 октября, толпа пришла к моему складу и потребовала ключи от склада. Ключи я уже сдал властям, поэтому двери склада выломали. Для распределения продуктов тут же выбрали комиссию. К вечеру склад был пуст. Комиссия решила, что продукты надо не просто распределять, а продавать по твердым ценам. В результате комиссия передала мне под расписку 11.086 рублей, которые я принял, не зная, что с ними делать.

Когда я задал вопрос комиссии, что делать с деньгами, один из рабочих ответил:

- Новая власть будет - ей и сдашь.

К сожалению, большевики ушли от нас только через год. Василий Коржевой был расстрелян, но народ ответил на это жестоко: 18 человек коммунистов были схвачены и сброшены 19 октября в горящую шахту, которую вечером 18-го все-таки взорвали".

В рассказе С.Н.Марченко обращает на себя внимание свидетельство о проявлении организованности, сознания народом своей правоты, сознание, что построенное руками народа принадлежит народу.

Не менее интересное свидетельство я имею о проявлении такой же организованности в Днепропетровске. Перед тем, как оставить город, большевики взорвали и подожгли многие предприятия, в том числе подожгли хлебозавод.

Сторож завода, человек ничем при большевиках не проявлявший себя, собрал живущих поблизости рабочих завода и вместе с ними погасил пожар и спас завод.

Все это происходило, когда в городе не было ни большевиков, ни немцев, не было никакой власти. Город покидали последние, арьергардные части Красной армии. Бывший сторож завода, спасший завод, стал при немцах директором. Он оказался незаурядным администратором.

Такие случаи не представляли собой исключения. Стремление спасти народное достояние наблюдалось повсюду, только в одних местах они принимало активные формы: рабочие, действительно, спасали свои заводы и фабрики; в других местах возмущались, негодовали, но ничего не предпринимали. Никто и нигде не сочувствовал производимому уничтожению народного достояния.

В ряде мест, однако, после ухода Красной армии и перед вступлением немцев и в первые дни после занятия города немцами, происходило массовое расхищение продуктов и товаров из уцелевших магазинов и складов. В этом расхищении брошенных большевиками продуктов и товаров принимал участие почти весь город: и рабочие, и служащие, и интеллигенция.

Из складов и магазинов разбирали все, что там осталось: продукты питания, одежду, мебель, готовые изделия и полуфабрикаты, обувь и белье, кожу и пряжу.

Вот у Харьковского пассажа собирается толпа. Кто-то уже проник внутрь, взломав двери. Один за другим выходят оттуда люди с полными мешками. Скоро полки пассажа опустели. Опоздавшие собирают остатки. Вот из окна первого этажа прыгает человек с детским зонтиком в руках. На шее у него связка баранок. За ним показывается другой: в руках у него несколько бутылок советского шампанского.

- Есть чем советскую власть помянуть, покойницу! - кричит он.

Стоящие на тротуаре смеются.

Вот в Воронеже разбирают рыбный склад. На складе одни селедки, в довольно больших бочках. Часть бочек открыта. Люди складывают селедки в мешки, взваливают на спины. У кого нет мешков, берут по целой бочке, катят бочки по улице.

Старая женщина, по виду служащая, пытается перевалить тяжелый боченок через порог. Она одна не в силах справиться с ним.

- Граждане, кто хочет вместе со мной взять его? Не справлюсь одна...

К ней подходит другая женщина, в поношенной старомодной кофте и в стоптанных башмаках - и они вместе, общими усилиями, вытаскивают бочку на улицу и присоединяются к длинной процессии людей, катящих по мостовой драгоценный груз. Сколько им придется так катить? Иные за десятки кварталов пришли сюда...

Можно ли бросить обвинение вот этим двум старым женщинам, можно ли им бросить обвинение в том, что они "участвовали в грабежах?"

Грабежи ли это были? Не брал ли народ, действительно, то, что ему причитается, чего у него не было, что у него отняли: кусок хлеба!

Брали, действительно, все: и баранки, и шампанское, и детские зонтики. Но в первую очередь все-таки брали продукты, которых у населения не было, и товары; прежде всего искали на складах одежду и обувь, которых тоже не было.

Все было: и бессистемное, неорганизованное растаскивание, и организованный, в сознании своей правоты, раздел того, что по праву причитается народу. Да, в конце концов, и немцам никто не хотел ничего оставлять!

В советском тылу.

Воронеж, где я жил в то время, был взят немцами 7 июля 1942 года. Таким образом, целый год я прожил во время войны в советском тылу.

Все лето 1941 года, через город проходили эшалоны с эвакуированными. Правда, основная масса эшелонов шла также через станцию Лиски и дальше на восток, но и воронежская станция постоянно была забита эшелонами, приходящими из Курска. В Воронеже эшелоны стояли по несколько дней, потом направлялись на север, на Грязи, или на юг, на Лиски. Воронеж не связан железной дорогой с городами, лежащими на восток. Чтобы попасть, скажем, в Борисоглебск, нужно ехать через Грязи, делая большой крюк. И эвакуированные вынуждены были, попав в Воронеж,

ехать на юг, в Лиски, или на север, в Грязи, а иногда и дальше, в Ряжск, откуда уже шли поезда на Урал и в Сибирь. Многие эвакуированные задерживались в Воронеже. От них население узнавало о том, что происходит там, на западе, откуда катился грозный вал немецкой военной машины.

Эвакуированные рассказывали о том, чего не было в печати: о поспешном отступлении Красной армии, которая, бросая вооружение, склады амуниции и продовольствия, оставляя на дорогах автомашины, танки и артиллерию, частично бежала на восток, частично сдавалась в плен. Эвакуированные рассказывали о панике, которая охватывала власти при приближении немцев, о поспешном уничтожении заводов, фабрик, жилых домов.

Рассказывали о необыкновенной мощи немецкой армии, о сиренах "штукасов", о мотоциклистах в зеленых шлемах, которые рыскают по тылам, сея панику, о том, что у немцев вообще нет винтовок, а одни автоматы...

Во всех рассказах беженцев заметно преувеличивалась сила немцев. Войну считали проигранной. Слова Молотова: "Победа будет за нами", из его речи 22 июня, произносились с особой интонацией, иронически, в них вкладывался и другой смысл: "победа будет за нами" ... за нашей спиной. Редко-редко раздавались голоса, в которых звучала вера в победу большевиков. О зверствах немцев, о расправах с населением, о лагерях военнопленных, которые немцы уже создали и в которых начался уже голод, рассказывали редко. Чаще о случаях проявления благожелательного отношения к населению. Сообщениям советской прессы о расстрелах и зверствах немцев - большинство населения не верило. Несколько раз в начале осени 1941 года распространялись слухи о создании немцами русского правительства, сначала в Киеве, потом в Смоленске. Ко всем сведениям, проникающим из-за линии фронта прислушивались со вниманием, ловили каждый слух, неблагоприятный для большевиков. Слухи, распространяемые агентами НКВД в подкрепление официальной пропаганды, быстро замирали.

Так прошло лето. Наступила осень 1941 года.

15 сентября я поехал из Воронежа в мой родной город Орел, где давно не был. Я поехал, чтобы взять оставшиеся там, еще после моего побега из-под ареста в 1937 году, вещи и узнать у друзей о положении на фронте: фронт остановился недалеко от Орла. На железной дороге наблюдалось станное затишье, затишье перед грозой. Вот уже около месяца фронт не

двигался. Немцы накапливали, очевидно, силы для генерального наступления на Москву. Поток эвакуированных схлынул, и пассажиров почти не было: ехали только командировочные или военные. Я пробыл в Орле несколько дней и вернулся обратно в Воронеж. По тем сведениям, которые я получил в Орле от знакомых военных, немцы остановились в брянских лесах и вряд ли начнут в ближайшее время наступление. Прогнозы моих друзей оказались неверными: немецкое наступление началось через неделю.

Я приехал в Орел поздно вечером. Ни трамвая, ни автобуса не было и я пошел через весь город пешком. На улицах - ни одного прохожего, огни везде погашены, окна плотно занавешены. Мои шаги гулко отдавались по мертвым улицам, казалось, мертвого города. Несколько раз меня останавливали военные патрули, проверяли документы. У штаба фронта, помещавшегося в здании Индустриального техникума, из темноты вдруг закричали с двух сторон испуганными голосами:

- На средину улицы выходи!

- На средину улицы!

Оказывается, часовые получили приказ всех прохожих пропускать только по середине улицы, по мостовой, чтобы... не взорвали штаб.

Испуганные ночные голоса часовых остались в памяти, как некий символ страха, который объял власть.

В Орле уже заканчивалась эвакуация промышленных предприятий, учебных заведений. Как и в других городах, эвакуация носила не только добровольный характер. Инженеры и рабочие получали распоряжение об обязательном выезде.

В Орле я впервые увидел немецкие листовки. В одной из листовок, снабженной довольно туманной фотографией, которая, судя по надписи, изображала сына Сталина Якова, сообщалось о том, что он взят в плен.

Одни не верили в это, считая, что Сталин не мог послать сына на фронт, другие скептически пожимали плечами:

- Ну взят, ну, а дальше что?...

Фронт стоял совсем близко, и я с жадностью впитывал все

сведения, которые шли оттуда, где рухнула советская власть, где люди жили какой-то новой жизнью. Какою? Что принесли немцы? Что думают они о будущем России? Создадут ли они правительство? Дадут ли оружие? Эти вопросы волновали не меня одного. Город полнился часто противоречивыми слухами.

Пробыв в Орле несколько дней, я вернулся в Воронеж.

И на обратном пути меня удивило странное затишье на железной дороге. Затишье перед грозой...

Оборванный и грязный бухгалтер из Ельца, отпущенный по болезни с оборонных работ / он копал злополучные противотанковые рвы /, рассказывал, громко сморкаясь в носовой платок, похожий на грязную половую тряпку, и поминутно вытирая им лысину:

- Первые дни страшно боялись. Представьте себе такую картину: его самолеты над головой летают, а наших ни одного, просто обидно. И понять невозможно, куда они девались. Сколько перед войной писали о нашей авиации!

Он говорил громко, на весь вагон. Пассажиры, почти все командиры Красной армии, слушали сочувственно, поддакивали.

- И представьте себе, - говорил бухгалтер, - летают и не стреляют, и бомб не бросают. Первый раз, когда появился немецкий самолет, мы к лесу бросились. А он дал два круга и улетел. Второй раз самолет почти над головами пролетел. И, представьте себе, летчика мы видели. Это так странно! Очень близко. Улыбается и рукой нам машет. Прямо не война для них, а маневры. Ну,да наши тоже воюют неплохо, - спохватился бухгалтер, почувствовав, что сказал лишнее, - вы знаете, как "катюши" крошат немцев! Изумительные машины!..

В Ельце бухгалтер сошел, не успев рассказать об изумительных машинах "катюшах".

3 октября немцы взяли Орел. Совинформбюро сообщило о сдаче города через два дня. В эти дни решалась судьба войны, решалась судьба большевизма. Весь центральный советский фр фронт от Смоленска до Орла рухнул и немецкие танковые колонны рванулись к Москве. Советские сводки глухо сообщали о жестоких боях на Вязьменском и Смоленском направлениях и длинно и подробно повествовали о подвигах неизвестных партизанских отрядов в районах А. и Б., В. и Г.

Каждый день у радиорупоров собирались толпы людей. Как никогда раньше, с большим вниманием выслушивали первые две-три фразы сводки о продолжающихся тяжелых боях - и расходились. Напряжение в стране росло с каждым днем. Это были решающие дни,и народ это чувствовал. Заметно все больше нервничали власти, все громче и смелее звучали голоса, осуждающие власть за неспособность воевать, за неподготовленность страны к войне.

В этих все громче и громче звучащих голосах слышалась и скрытая радость: вот, конец их наступает, конец! Никогда еще большевизм не показывал себя в таком обнаженно-беспомощном виде. Это было, действительно, начало конца

16 октября, в самый памятный день войны, радио сообщило о значительном ухудшении положения на фронте, о прорыве немцев к Москве.

В тот же день в городе распространился слух о предстоящем перемирии и капитуляции. Вечером, к передаче последних известий, у радиорупоров снова собрались толпы. Радио повторило только утреннюю сводку. Люди не расходились На Проспекте Революции толпились, как в праздничные дни, прогуливались группами, разговаривали. Распространились новые слухи: немцы уже в Москве. С нетерпением ждали утренней сводки 17 октября. Она не принесла ничего нового. На следующий день все то же. Напряжение начало заметно спадать. Наступила какая-то реакция разочарования - ну, вот и не конец, - наступили серые будни войны.

В конце октября я получил письмо из Москвы от моего большого друга. Письмо сугубо, так сказать, личного характера, в котором он сообщал о семейных своих делах, о здоровье жены и приезде в гости тещи и, между прочим, писал:

"Мы здесь все с нетерпением ждали Григория Ивановича, нашего старого друга, которого и ты хорошо знаешь, но он, к сожалению, задержался и не сможет приехать. Может быть, весной приедет"...

Григорием Ивановичем мы называли в переписке Гитлера.

7 ноября Сталин принимал парад на Красной площади. Говорил о Минине и Пожарском, о Суворове и Кутузове...В Воронеже парад принимал маршал Тимошенко. Он проехал перед выстроившимися полками на рослом, гнедом коне, в серой каракулевой папахе, в новой шинели с красными отворотами.Потом

полки прошли церемониальным маршем через город, по широкому проспекту. В новых шинелях, в сапогах, с автоматами нагруди - полки проходили один за другим, чеканя шаг. Я стоял на тротуаре и чувствовал, как у меня сжимается сердце. Передо мною проходили стройными рядами русские солдаты, с хорошими русскими лицами. И почему-то многие с усами, с такими хорошими русскими усами, которые до войны и носить не разрешали. А теперь они шли мимо меня, уже овеянные пороховым дымом, русские усачи, словно сошедшие со страниц "Нивы" и пели:

В бой за Родину,
В бой за Сталина...

Опять эта песня! Где я ее слышал? Да в начале же войны, в Симферополе. И от слов этой песни щемящая боль в сердце, боль минутного колебания, сменилась спокойной уверенностью и старым знакомым чувством ненависти ко всему, что олицетворялось для меня - да только ли для меня? - в этом слове: Сталин.

Нет, в бой за Сталина я не пойду. За Родину? Но почему я должен защищать с нею и Сталина? Почему ее нельзя защищать после того, как Сталин будет сброшен. Нет, сначала сбросить Сталина.

В декабре радио принесло победное сообщение о разгроме немцев под Москвой. Голос Левитана звучал уверенно и торжественно. Я вспомнил испуганные голоса часовых у штаба фронта в Орле в решающие октябрьские дни. В войне произошел уже перелом...

Когда сейчас обсуждается вопрос о том, когда произошел перелом в войне, называют обычно два события: сражение под Москвой и сталинградскую битву, связывая с ними этот перелом.

Мне кажется, что он произошел раньше, в октябре 1941 года, может быть даже вот в те утренние часы 17 октября. В эти дни произошел психологический перелом в сознании народа. Немцы Москву не взяли, остановились, потом отошли. Значит надо воевать. Чего же ждать теперь? Если теперь они отходят, когда вся кадровая армия разбита, то что же будет, когда резервы подойдут, когда переорганизуется армия. Сталин тоже не дурак. Наверно оставил в Сибири резервы... Были все признаки разочарования в немцах - и правительство русское не создают, и зверствуют, и пленных голодом морят, и победить сразу не смогли - и признаки исчезновения той уверенности в неизбеж-

ном крахе большевизма, которая была в первые три-четыре месяца войны.

Страна втянулась в будни войны, начала воевать. Большевики постепенно брали вновь в руки власть над народом, выскользнувшую было после первых ударов немцев.

В занятых немцами областях психологический перелом, происшедший в советском тылу, не отразился непосредственно.

Здесь протекали другие процессы, связанные, однако, глубинно и с теми, которые происходили внутри страны. О тех процессах, которые происходили в немецком тылу - речь еще впереди.

Зима 1941-42 года, однако показала, что большого желания воевать народ не испытывает. Поползли слухи о весеннем наступлении немцев, о десятках дивизий, которые они перебрасывают из Германии, о тысячах самолетов, которые стоят на аэродромах и ждут только приказа, чтобы обрушиться на Москву.

Стали говорить, что в оккупированных областях совсем не так уж плохо, как рассказывают газеты и радио. Что в деревне достаточно продуктов, что колхозы поделены и весной крестьяне будут сеять на своей земле. Слухи не появлялись произвольно, они принимали определенную окраску под влиянием заглушенных, но все еще живых надежд на крушение большевизма.

Всю зиму 1941-42 года в Воронеже регулярно устраивались облавы на дезертиров, бежавших из армии и скрывающихся у родственников и знакомых и уклоняющихся от явки в военкоматы. В обысках и облавах принимали участие комендантские части Красной армии, НКВД и милиция.

Какие размеры приняло дезертирство, можно судить по следующим данным. В школе № 17, в рабочем поселке завода им.Коминтерна, находится сборный пункт, куда каждую ночь сводили захваченных в поселке дезертиров. Поселок насчитывал не больше 5.000 населения. Почти каждую ночь задерживали 30-40 дезертиров. Их судил военно-полевой суд. Наказание всем одно и то же: 10 лет заключения с отбытием наказания после войны и немедленной отправкой на фронт.

Все время, изо дня в день, ухудшалось продовольственное положение в городе. Летом и ранней осенью, когда шло немецкое наступление и город готовился к эвакуации, в магазинах появилось масло, сахар, крупа, мука. В это время можно было купить, например, целый килограмм сливочного масла, можно было

купить не один килограмм, а несколько, стоило только постоять в очередях нескольких магазинов. Население спешило закупить как можно больше продуктов, сделать запасы. Все хорошо понимали, что продукты "выбрасываются" в магазины только потому, что приближаются немцы. Остановят немцев - и исчезнут продукты. Так и произошло. Когда немецкое наступление замедлилось, а затем стабилизировался фронт - прекратилась и продажа сливочного масла. Прекратилось вообще снабжение населения.

По карточкам давался только хлеб. К весне исчезли продукты и на базарах.

Вот типичная картина воронежского базара в апреле- мае 1942 года. На базарной площади несколько сот человек, преимущественно женщины, и не больше двух десятков торговок, разложивших маленькие кучки картофеля и лука. Больше ничего нет. Но покупательницы не расходятся. Очень терпеливо ждут. Проходит час, другой. Вот, наконец показывается крестьянская подвода. Площадь не узнать. Только что мирно беседовавшие, сидевшие пригорюнившись, на скамейках женщины вскакивают и бегут - молодые и старые - что есть сил к подводе. Раздаются крики. Женщины спешат пробиться как можно ближе к телеге. Наконец, устанавливается очередь. Начинается священодействие продажи. У крестьянина всего один-два мешка картофеля. Ясно, что всем не хватит. Он дает сначала по килограмму, но из задних рядов несутся негодующие крики. Там требуют, чтобы норму выдачи он сократил до фунта на человека. Он подчиняется, дает по фунту. Но картофеля все-таки не хватает на всех. Пустая подвода уезжает с базара, а женщины не расходятся. Они будут стоять здесь часами и ждать. Будут стоять и те, кто получил свой фунт: что фунт картофеля для рабочей семьи в несколько человек...

Зимой и особенно весной 1942 года немцы совершали регулярные, но незначительные налеты на город. Бомбили заводы и центр города. И каждый раз, когда начиналась тревога и ночное темное небо прорезывали длинные полосы света, шарили по нему, скрещивались и снова уходили друг от друга, тысячи людей смотрели в небо, ждали характерного прерывистого звука немецкого бомбардировщика, гадали, куда сегодня бросит "он" свой смертоносный груз. И каждый раз вы могли услышать примерно одно и то же:

- Опять к НКВД повернул. Конечно, к НКВД. Вот сейчас рванет...

Самолет медленно шел в свете прожекторов, визжала, пригибая все к земле, бомба, рвалась, словно лопалась где-то

земная кора, выбрасывая яркое пламя... Утром люди бежали смотреть развалины городского театра и, сокрушенно качая головами, говорили:

- Опять промахнулся. Определенно в НКВД целил. Ведь два квартала всего от театра...

Так и не увидели воронежцы развалин НКВД.

В конце июня радио снова принесло вести, напоминающие прошлогодние, октябрьские. Радио сообщало, что немцы перешли на Курском направлении в наступление, что им удалось прорвать на фронте советские позиции. Начиналось грандиозное немецкое наступление 1942 года.

В моих дневниках сохранились записи, относящиеся к тем дням:

"1 июля в 12 ч.30 м.дня, 60 немецких самолетов совершили неожиданный налет на Воронеж и подвергли бомбардировке военные заводы, станцию, склады, жилые кварталы. Пострадало много жилых домов. Во многих районах возникли пожары. Весь город был окутан клубами дыма. Зенитная артиллерия бездействовала. Жителей охватила паника. Так как прекратилось трамвайное движение, тысячи людей пешком стали уходить из города.

2 июля было семь тревог. Деловая жизнь города стала. Учреждения, предприятия, магазины прекратили работу. Жители продолжали уходить в окрестные деревни. Вечером 2 июля я шел через совершенно пустынный город.

... Вечером 2 июля и утром 3 июля пронесся слух, что германские войска прорвали фронт у г.Землянска и идут к Воронежу. Среди коммунистов началась паника. Толпы их бросились на вокзал, но не было уже поездов. Спешно начали снимать станки на заводах, но ничего не вышло: рабочие разошлись по домам. В учреждениях жгли бумаги, и пепел летал по всему городу. Началось отступление Красной армии.

Вечером, 3 июля, объявили:

"Жителям оставить город в 24 часа, уходить в сторону Борисоглебска. Путь для отступления армии и беженцев был один: через Чернавский мост."

... 2,3,4 и днем и ночью, через город шли остатки разбитых дивизий. Проносились автомобили, катили повозки, спешили измученные, голодные красноармейцы. Многие из них были без оружия. Они просили у жителей хлеба. К вечеру 4 июля город покинули милиция и НКВД. Вечером же, 4 июля, в город ввели свежие резервы. Видимо, советское командование делало попытку удержать его. Войска расположились в крупных зданиях. Жители ушли в подвалы, щели, на берег реки Воронеж.

... 5 июля утром город обезлюден. Жители не выходили из домов. Власти бежали. Войск нигде не было видно. Часов в 7 утра, 5 июля, немецкий самолет сбросил бомбу на здание ДКА. Через час началась бомбежка, которая продолжалась с короткими перерывами до вечера 6 июля.

Один за другим заходили эшелоны "юнкерсов" по 12,18, 30 штук и с ревом пикировали на город. Войска отошли к реке.

... Я наблюдал бомбежку с окраины города, от реки, куда ушел с семьей из центра, где жил.

Днем 5 июля решил сходить домой. Немецкие самолеты появлялись над городом через каждые 10-15 минут. Я задержался в центре, который уже почти был разрушен, и на обратном пути попал прямо под юнкерсы. Они шли правильным строем, по три штуки вместе, сравнительно на небольшой высоте, как раз наперерез мне. Возвращаться было поздно, и я решил опередить их. Побежал по улице, поминутно поглядывая на небо. Юнкерсы приближались удивительно быстро, ребя моторами, четко выделяясь на безоблачном июльском небе. Сердце бешено колотилось в груди. Проскочу или не проскочу? Чувствуя за собой тяжелое дыхание тоже бегущего человека, как-то странно всхлипывающего, я из последних сил побежал еще быстрее, но самолеты были уже над головой. Совершенно инстинктивно я бросился на землю и в ту же секунду, после короткого, страшного воя, загрохотали один за другим взрывы. Я лежал у дерева, в каком-то дворике, чувствуя удивительно мирный запах земли. Полуоглохший, я поднял голову. Рядом со мной сидел человек и плакал, совсем по-детски, всхлипывая. По серобледному лицу его катились слезы и останавливались в усах. Я перекрестился. Он тоже. Потом вытер рукой слезы и вздохнул:

- Ну, кажется, пронесло. Бежим!

Вокруг все было засыпано обломками дерева, камнями, туча пыли стояла над развалинами домов и из нее вырывались языки пламени. Слышались отчаянные крики. Какой-то молодой парень в белой, разорванной на спине рубашке, метался по улице, словно не находя выхода из развалин. По улице уже бежали люди, вниз, к реке. Справа слышался все нарастающий рев моторов.

... 6 июля в городе, кроме незначительных групп войск, укрепившихся на берегу, не было никаких представителей власти. Несмотря на бомбежку, население бросилось в продовольственные склады и магазины. 7 июля по всем улицам тянулись, прижимаясь к стенам домов, цепочки людей, нагруженных добычей. Вечером у Задонского шоссе и со стороны Землянска появились немецкие мотоциклисты. 8 июля на Проспекте Революции стояли танки. 9 еще продолжались бои в нижней части города. Утром 10 все затихло.

Воронеж постигла та же участь, что и Сталинград: он был почти полностью разрушен. Фронт остановился на реке Воронеж и немцы дальше не пошли. Они взяли сам город, а один из его рабочих районов Придача, на левом берегу реки, остался в руках Красной армии. Советская артиллерия непрерывно обстреливала город. Немцы отвечали. Никакой жизни в городе наладить было нельзя и немцы решили эвакуировать его весь. В январе 1943 года Красная армия после ожесточенных боев заняла развалины мертвого города. В нем остались только одичавшие кошки.

Таким образом, 10 июля я очутился на территории, оккупированной немцами.

. . . . .

Немцы пришли.

На стене полуразрушенного дома приклеен лист бумаги. На нем, по русски, на машинке напечатано:

П р и к а з

Германского командования жителям г. Воронежа.

Следует ряд пунктов, в которых указывается, чего жители Воронежа не должны делать.

Они не должны показываться на улицах после 6 ч. вечера, не должны входить в дома, занятые немцами, не должны помогать скрывающимся в городе красноармейцам, не должны помогать партизанам, евреи и коммунисты не должны заниматься никаким трудом, кроме физического..."

После каждого пункта стоит короткое и угрожающее: "За нарушение - расстрел".

Приказ написан довольно грамотно, но с иностранными оборотами речи, которые так странно видеть здесь на стене русского дома.

Кроме еще одного приказа, об эвакуации города, который тоже кончался словом расстрел - никакого печатного слова.

А где же обращение к русскому народу? Где же русские, которые вместе с немцами борются против большевизма?

Первого русского, не воронежца, я встретил дня через три. С жадностью набросился на него: ну, что там? Он ограничился короткими, ничего не говорящими фразами. Явно не хотел рассказывать подробно, и я понял, что и рассказывать было нечего...

Еще дня через два я встретил своего знакомого, крупного инженера.

- Предлагают город принимать. Как вы считаете? - спросил он меня.

- Конечно, принимайте. Нужно же жизнь налаживать.

Но налаживать жизнь в Воронеже не пришлось: пришел приказ об эвакуации всего населения.

Единственно, что удалось сделать - это помочь тем, кого немцы захватили и отправили на рытье окопов, а часть в лагеря военнопленных.

Немецкое военное командование, видимо, включало в цифры взятых пленных и тех местных жителей, которых хватало просто на улицах или в домах. В Воронеже таким образом собрали несколько сот человек. Им объявили, что взяты они на военные работы. Часть, действительно, послали на рытье окопов, на ремонт дорог, а остальных отправили в тыл. Несколько десятков

человек все-таки удалось вырвать. Их отпустили перед самой эвакуацией города.

Уже несколько месяцев спустя, в Орле, в одном из февральских номеров "Правды", я видел фотографию инженера, освобожденного Красной армией из лагеря военнопленных в Курске. Инженера схватили на станции Кисторной, в 60 километрах от Воронежа.

Облавы на мирных жителей произвели в Воронеже тягостное впечатление

Можно только себе представить состояние человека, антибольшевика, который ждал немцев, как освободителей, и которого хватают на улице, ведут, как преступника, под конвоем и бросают за проволоку. За что? Почему? Негодующие протесты его остаются без ответа. Мне пришлось беседовать с несколькими воронежцами, отпущенными недели через две. Один из них рабочий-токарь. Его взяли из дома, на Плехановской улице. Он рассказывал:

"Я остался сознательно. Когда наш завод имени Ленина эвакуировали, мне предложили в обязательном порядке ехать с заводом. Такой же приказ получили все квалифицированные рабочие нашего завода. Несмотря на приказ, я и многие другие рабочие решили остаться, хотя это грозило большими неприятностями. Нас предупредили, что за отказ эвакуироваться будут судить, как пособников немцев. Своей угрозы руководство завода не успело выполнить, потому что само бежало. Ну, вот, и наконец, в городе нет советской власти. Первое, что мы сделали, продуктами запаслись. Дня через два и немцы пришли. По соседству со мною еще двое рабочих с нашего завода жило. Собрались мы, потолковали и решили в комендатуру немецкую сходить, узнать, как с заводом будет. Часть цехов хоть и сгорела, но восстановить кое-что и начать работу можно было. Сидим так, разговариваем - вдруг дверь настежь и на пороге немцы: два солдата с винтовками и третий с пистолетом. Как я потом узнал - это унтер-офицер был. А тогда мы еще не знали их знаков различия. Входят. Не здороваются. Тот, что с пистолетом, по-русски немного говорил:

"Комм, комм. Пойдем, пойдем. Иди, стрелять буду"
Что такое, спрашиваем, почему идти, куда идти?
"Иди, иди. Работа".

Работа? А зачем с винтовкой? Зачем стрелять? Не понимает.

дурак. Твердит свое: "Иди, иди. Работа". Ну, думаем, надо идти. Будем работать. Выходим на улицу - а тут уже целая группа людей собрана. Построили нас по одному, гуськом /человек 15 набрали/. Впереди конвоир, позади - конвоир. Погнали. Спрашиваю у других, куда, мол гонят. Никто не знает. "Работа". А что за работа, почему под ружьем нужно работать? Пригнали нас на мясной базар. В угловом двухэтажном доме штаб какой-то. Потом узнали - штаб полка. Народу здесь уже больше сотни. Продержали нас с час. Вышел на крыльцо офицер. С ним переводчик. "Старики, говорит, могут по домам идти". Отпустили десятка два-три стариков, а нас погнали дальше. Около завода им.Ворошилова продержали еще часа три-четыре. С группой в семь человек я попал на работу на железной дороге Воронеж-Курск. Немцы перешивали нашу широкую колею на свою узкую. Работа была тяжелая, а кормили никуда не годно. Ночевали в сараях полуразрушенных. Вот тут и взяло меня раздумье. Пожалел я, что не уехал со своим заводом. Ждал, думаю, освобождения от большевиков, а что получил? Почти две недели проработал. Потом неожиданно отпустили меня и еще одного воронежца. Выдали пропуска и пошли мы домой. Пешком, конечно. А остальных пять человек оставили".

Появление немцев в городе сопровождалось, как и везде, виселицами. В Воронеже не было еще массовых репрессий, какие немцы проводили в глубоком тылу, на Украине и Белоруссии, но уже в первые дни в городе появились повешенные. Двух человек повесили в нижней части города, у реки, одного на Плехановской улице и еще одного на площади перед обкомом партии, на вытянутой руке памятника Ленину. Повешенных не снимали несколько дней. Были ли это коммунисты, наказанные за их преступления, энкаведисты, оставленные в городе для выполнения "особых заданий", или рядовые русские люди, случайно погибшие - неизвестно.

Кто мог установить, кто они были, когда каждый немецкий офицер, каждый мелкий комендант мог безответственно творить суд и расправу. Чаще всего в первые дни после прихода немцев гибли совершенно невинные люди.

Само повешение рассматривалось немцами не как мера наказания преступников за совершенные ими преступления, а как мера устрашения населения. В 1943 году по стопам немцев пошли и большевики: они ввели смертную казнь через повешение, они тоже сгоняли население русских городов на площади, где происходила расправа над "изменниками и предателями".

Задуманная как мера устрашения публичная казнь только содействовала росту анти-немецких настроений, так же, как она содействовала росту анти-советских настроений в тех городах, куда приходила Красная армия и где большевики, следуя примеру немцев, вешали на площадях русских людей. Ничего другого, кроме возмущения, протеста и ненависти к тем, кто ее совершает, публичная казнь и не может вызвать. В каждом русском городе немцы считали обязательным убить несколько русских людей, чтобы устрашить других, чтобы заставить их покориться. Кроме чувства глубокого разочарования и следующей за ним ненависти к себе, немцы ничего не получили.

Репрессии вызывались еще и страхом, внушенным немцам партизанами. Первое слово, которое говорил останавливающийся на постой в русском доме немецкий солдат, было слово - партизан. "А есть здесь у вас партизаны?"...

В то время партизанское движение начинало еще только расти. Во многих районах и городах ни партизан, ни сколько-нибудь организованного подполья не было вообще - и немцам ничто не угрожало, но они в каждом темном переулке видели партизан.

Еще больший страх испытывали их союзники: итальянцы, венгры, румыны. В Бобруйске, например, где до 1944 года стояли венгерские части, часовые после наступления темноты открывали огонь по прохожим без предупреждения. По городу просто нельзя было ходить. После того как злополучные стражи убили и ранили несколько немецких солдат и офицеров, охрану города стали нести сами немцы.

Никакой серьезной угрозы не представляли собою для немцев и те незначительные группы подпольщиков, которые остались в Воронеже.

В 1942 году немецкая армия еще сохраняла свой прежний, боевой вид, это еще были хорошо вымуштрованные, прекрасно обмундированные и вооруженные дивизии, не хуже тех, которые видели все столицы Европы. И дрались немцы попрежнему умело и настойчиво.

Воронеж взяли. Танковые клинья Клейста безостановочно шли на восток и юго-восток. Но не было уже у немцев прежней уверенности. Все реже звучали хвастливые голоса о падении Москвы и Ленинграда, о скором конце войны.

Толстенький, низенький фельдфебель, немного говоривший по-русски / в России когда-то жил /, чиновник какой-то тыловой хозяйственной части, говорил мне, сокрушенно качая головой и тряся розовыми щечками:

- О нет, майн херрн, Красная армия еще не капут. О, нам много будет тяжелая война. О,Россия - это злой снег, это много земли. Много ехать, много стрелять.

Мы стояли у окна двухэтажного углового дома. В этом доме осталась только одна русская семья. Весь верх дома занял фельдфебель с двумя унтер-офицерами. Каждую ночь он обходил дом, проверял запоры и пугал русских жильцов.

- Партизанен, партизанен? - говорил он, освещая электрическим фонарем темные углы.

Я смотрел в открытое окно на пустынную улицу, заваленную кирпичом, обломками досок. Над этой мертвой улицей, над разрушенным, искалеченным городом сияло ослепительно яркое, июльское солнце. Из-за реки, оттуда, с советских позиций, слышалась артиллерийская канонада. Били по немецким позициям на северных окраинах города.

Иногда по пустынным улицам проходили люди с ведрами в руках. Электростанцию взорвали большевики, и всему Воронежу приходилось ходить за водой на реку. А там с левого берега, с Придачи, где укрепилась Красная армия, бил пулемет по каждому, кто спускался к реке, хотя даже невооруженный глаз мог отличить русскую женщину от немецкого солдата.

Здесь же, в этот жаркий июльский день ничто не нарушало почти мирную тишину. Если бы не развороченная улица, не заклеенные бумагой окна, не вон тот немецкий солдат, который идет по противоположной стороне. Дойдя до угла, солдат оглядывается по сторонам и пригнувшись перебегает улицу.

- Чего он испугался? - спрашиваю я у розовощекого фельдфебеля.

- Партизанен, партизанен.

И желая подробней растолковать мне, чего так боится солдат, он согнув указательный палец правой руки и делая вид, что нажимает собачку, производит губами звук, напоминающий, по его мнению, выстрел:

- Пук, пук!

Мне же больше кажется, что солдат, перебегавший улицу, не столько боится партизан, сколько собственного начальства. Очень похоже на то, что отправился он в поисках яиц или кур.

Слово "яйки, принесенное немцами из Польши, было, повидимому, первым словом, которое слышали везде от немцев. Удивительно любил немецкий солдат "яйки". Вообще любил поесть, чужое преимущественно. Любил именно чужое, отнятое. Брали немцы не только продукты, но и вещи: белье, одежду и обязательно часы. Грабежи и воровство не носили массового характера, и всегда вор-солдат словно стыдился своего поступка.

На Батуринской улице, в Воронеже, солдат зашел в квартиру инженера. Не здороваясь, не глядя присутствующим в глаза, молча прошел через комнату, где лежал в постели больной хозяин дома, открыл верхний ящик комода, взял мужские ручные часы, 3.000 рублей и также молча, не поднимая глаз, ушел.

Тоже в Воронеже. В квартиру одной старой учительницы вошли два солдата. Тоже молча, не здороваясь, открыли буфет, пошарили в нем, вытащили банку вишневого варенья и тут же, у буфета, стали ложками пожирать его.

В Орле, в квартире глазного врача, известного всему городу, остановился офицер, обер-лейтенант. Прожил две недели. Хотя хозяева не плохо говорили по-немецки, он никогда не вступал в беседы. Молча, не здороваясь приходил, молча уходил. Когда непрошенный гость уехал, обнаружили пропажу нескольких новых простынь и наволочек. Тевтонский рыцарь взломал перед отъездом бельевой шкаф и украл все, что ему понравилось. Перед отъездом он тоже не смотрел в глаза обворованным.

Справедливости ради отмечу, что такие случаи представляли собою все-таки исключение. Я говорю о воре-офицере. Солдаты, особенно в первые дни, воровали и грабили почти открыто. Даже на улицах.

Я записал когда-то рассказ одного харьковчанина. Вот он:

"Вы знаете, почему я возненавидел немцев? Из-за сапог. Т.е. не из-за сапог, которые представляли для меня тоже не малую ценность, а из-за... как бы вам объяснить? Расскажу по порядку. Дело было на третий или

четвертый день после занятий города. Решил я приодеться и пойти посмотреть, что в городе происходит. Интересно все-таки. Ждал ведь "освободителей". Надел я новые сапоги. Хорошие, хромовые. Иду по Сумской, - навстречу три содата немецких. Поровнялись со мной - и вижу: на сапоги смотрят. "Понравились - думаю". А сапоги, действительно, им понравились. Да так, что я больше их и не видел. Прошли немцы несколько шагов, остановились. Я иду, не оборачиваюсь. Почувствовал, в чем дело. Окликнули они меня - пришлось остановиться.

Показывают на сапоги: снимай, мол. Что будете делать? Пришлось снять. Так и пришел домой босиком. И ведь не столько сапог было жаль, как чего-то другого, разбитой, так сказать, надежды: ожидал ведь их. А они сапоги на улице снимают"...

Но вернемся снова в Воронеж. Больше двух недель не выходило население города из погребов: то один, то другой район города подвергался обстрелу из-за реки. Повидимому, фронт стал прочно. Не было заметно подготовки немцев к дальнейшему наступлению. Все их силы устремились южнее Воронежа, к Волге и Северному Кавказу.

Приказ об эвакуации поразил население. Куда повезут? Что будет? Как устраиваться на новых местах? Здесь все-таки и свои дома и кое-какие запасы продуктов... Со смутной тревогой покидало население Воронеж. Вереницами тянулись по улицам, нагруженные вещами. Взять могли очень немногое, потому что немцы не дали никакого транспорта. Шли семьями, с рюкзаками за плечами, вели под руки стариков и больных. Кто сумел достать какую-нибудь тележку, тот уже чувствовал себя почти счастливым. Брали с собой главным образом продукты и самые необходимые носильные вещи. Сколько предстояло пройти пешком, никто не знал. Эвакуация продолжалась не менее двух недель. В городе не оставили ни одного человека.

Эвакуировался город постепенно, район за районом. Эвакуированные уже улицы обходили патрули с собаками. Из дома в дом, гремя кованными сапогами по булыжной мостовой, проходили немцы по мертвому городу. Гулко раскатитсяя чужая речь в пустых комнатах, сохранивших еще жилой запах. Жалобно скрипнет крыльцо, хлопнет дверь, отброшенная сапогом - и опять мертвая тишина. Даже канонады не слышно из-за реки.

Неподчинение приказу об эвакуации грозило расстрелом. И

все-таки находились люди, пытавшиеся остаться, скрыться: так велика сила обжитого места, родного угла, родины.

Пешком пришлось пройти верст 50, до большого села Хохол, где эвакуированных опрашивала специальная комиссия и отправляла дальше, на запад, уже по немецкой дороге. В первую очередь отправили в Харьков и Киев интеллигенцию: профессуру воронежских высших учебных заведений, артистов, инженеров, учителей. Потом всех остальных. Многие разошлись по окрестным деревням.

От Воронежа до Хохла шли проселочными дорогами. Длинная, длинная вереница людей, тележек. Иногда телега, запряженная лошадью или коровой. На телеге гора мешков и чемоданов, больной или старик.

А вот корова, навьюченная мешками. Сбоку подвешен закопченный котел для варки пищи. На самом верху привязанный к мешкам ребенок. Все, что могло передвигаться, шло пешком. Некоторые семьи, с больными и стариками, шли эти 50 верст по четыре-пять дней.

Пищу варили прямо в поле, на сучьях, на сухом бурьяне, на каких-то досках, Бог весть как попавших сюда, в открытую степь. Спали тоже в поле, в лесу, на одеялах, которые почти все несли с собой, и прямо на голой земле: у доброй половины населения вещи погибли в огне.

Когда заходило солнце и начинало темнеть, располагались на ночлег. Зажигались костры. И насколько хватал глаз, до горизонта в одну и другую сторону, тянулись огни костров - кочевье 20-го века...

Ни песен, ни смеха не слышалось здесь. Глухо звучали в наступающей ночной тишине людские голоса, да где-то в стороне, на дороге женский голос, полный тревоги и отчаяния звал и звал:

- Ва-а-а-ля! Ва-а-аля!

Голос то приближался, то удалялся. Наверно, мать искала отставшего ребенка и не могла найти. Ночь все сгущалась и голос матери звучал все отчаяннее и безнадежнее. Да кто знает, когда эта несчастная мать потеряла своего ребенка? Может быть лежит он под грудами кирпича там... А она все ищет его?

Я обернулся. У нашего костра стояла сгорбленная фигура

- Разрешите огонька взять?

- Пожалуйста, конечно.

Голос мне показался знакомым. Я силился вспомнить, где я видел это лицо, эту чеховскую бородку. Наконец, вспомнил. Познакомились в прошлом году на педагогической конференции. Он - тоже учитель, словесник.

Ну, вот, - как бы продолжая прерванный разговор, - заговорил он. - Вот и дождались. Вот и пришли. Что же теперь делать будем? Кажется - из огня да в полымя?...

Завязался один из тех разговоров, которые потом можно было услышать очень часто.

Дон перешли поздно вечером по понтонному временному мосту, построенному немцами. Поднялись на гору. В стороне от дороги здания, двор, обнесенный забором. Оказывается - это Орловка, сумасшедший дом. Сумасшедших немцы уже успели уничтожить. В пустых корпусах располагались на ночь эвакуированные. В сумасшедшем доме пришлось впервые столкнуться, лицом к лицу, так сказать, с новой властью.

Комендантом поселка и усадьбы немцы назначили бывшего... сумасшедшего, воронежского инженера, сидевшего здесь с 1937 года. Инженер, арестованный в конце 1937 года, сумел симулировать на допросах сумасшедшего и, после длительных экспертиз, попал в Орловку, где и встретил немцев. Инженера я увидел несколько позже. Встречал и распределял эвакуированных его помощник.

-Что? Прошу не разговаривать. Здесь новая власть, подчиняющаяся непосредственно германскому командованию. Что? Не разговаривать! За неподчинение - расстрел на месте! Понятно?- раздалось совсем неподалеку и, спустя минуту, из темноты выпорхнула фигура в растегнутом пиджаке и в кепке, одетой набекрень.

- Что за разговоры? Почему не занимаете помещений? В одиннадцать бомбежка. Немедленно по местам!

- Мы дороги не знаем, - раздались робкие голоса.

- Что, дороги? Я вам покажу дорогу! - заорала неожиданно "новая власть".

- А чего вы кричите? - спросил я.

- А ты кто такой - что учить будешь?

Я показал свой пропуск.

Вид немецкой печати произвел на "новую власть" магическое действие. Парень сорвался с места и исчез в темноте. Через несколько минут он явился снова.

- Господин комендант Орловки приглашает вас к себе. У него будете ночевать.

Слово господин парень выговорил с особым старанием.

Комендант, которому парень представил меня, не забыв снова упомянуть о столь поразившей его печати с длиннокрылым орлом, оказался человеком на редкость симпатичным и интеллигентным.

Наш разговор прервал всё тот же парень: коменданта вызывали в штаб немецкой части, расположившейся в одном из корпусов.

Больше я его не видел.

Прождав минут пятнадцать, мы решили войти в здание: в стороне над лесом, советские самолеты уже повесили "фонари". Только мы успели найти место на полу, только легли - загрохотали разрывы. Ночь провели почти без сна. Утром парень рассказал, что бомбы не причинили большого вреда, кроме одной, которая попала прямо в домик коменданта. Рассказал парень, ставший за ночь комендантом, и историю погибшего, пять лет ждавшего освобождения из сумасшедшего дома и убитого шальной советской бомбой через месяц после освобождения...

Сам парень оказался бывшим комсомольцем из соседнего села.

В поезда грузились на маленьком полустанке, в нескольких верстах от Хохла. Здесь я впервые увидел печатное слово освобожденных областей - курскую газету "Новый Путь". Потом в Курске стала издаваться другая газета - "Курские известия".

"Новый путь"? Что же в нем нового? Прочитал газету от слова до слова, но когда вспоминаю сейчас, не могу ясно вспомнить ни содержания газеты, ни отдельных статей. Зато сохранилось отчетливое впечатление разочарования. Вот ждал, надеялся. Вот увидел - печатное слово, новое слово правды, и что же в нем, в этом слове?

Это впечатление разочарования и неясной тревоги еще усилилось, когда в родном моем городе Орле, куда я приехал на следующий день, я купил у продавца-мальчишки орловскую газету "Речь".

На первой странице шапка:

"Германские доблестные войска взяли Краснодар, Армавир, Ейск"...

А над шапкой, правее заголовка, четко и ясно выделялось:

"Газета для населения освобожденных местностей".

Не освобожденной России, даже не освобожденных областей, а местностей...

Я снова вспомнил фразу, которая преследовала меня всю дорогу из Воронежа.

Услышал я ее от переводчицы немецкого офицера, пропускавшего эвакуированных у выхода из города. Из-за этой фразы я даже запомнил ее, эту переводчицу...

- Вы теперь находитесь на территории Германской империи.
- Что?!

На моем лице, видимо, изобразилось неподдельное изумление...

Пути для отступления не было. Да, если бы он и был, нам, антибольшевикам, других путей не было: либо против большевизма, даже с немцами, либо... Мы не могли защищать большевизм.

"Освобожденная земля".

В номере газеты "Речь", купленном мною на Орловском вокзале, заметка: "Освобожденная земля". Освобожденная ли, действительно?

Слева от вокзала, на стене здания, в котором помещается какое-то немецкое, повидимому, железнодорожное учреждение, приклеен плакат. На нем изображен человек со скрещенными на груди руками и вытаращенными полубезумными глазами. Внизу на плакате большими белыми буквами на коричневом фоне надпись:

"Гитлер - освободитель".

Никаких других признаков освобождения не видно...

Пассажирского движения на железных дорогах нет. Те немногие русские, которым удается достать "аусвайз" / пропуск/, могут ехать только в товарных вагонах. Без "аусвайза" вообще никуда ехать нельзя. Широкая русская колея перешита на узкую, европейскую, и ходят по русской земле только немецкие поезда.

На площади перед вокзалом стояли немцы. Много солдат, видимо только что прибывших из Германии. Новое обмундирование, новые винтовки со светлыми, не обтертыми прикладами. Замечаю, что есть и сосновые приклады. Неужели в Германии дерева нужного нет? Один за другим подходят военные темнозеленые автобусы. Площадь постепенно пустеет. Только на углу несколько солдат укладывают туго набитые рюкзаки, зеленые сумки, картонные коробки на ручные самодельные тележки. Здесь, на углу, биржа пешеходных извозчиков.

Трамваи, видимо, не ходят: на рельсах толстый слой пыли и ручные тележечники - единственный вид здешнего транспорта.

Нанимаем и мы тележку, грузим свои рюкзаки - и идем через весь город пешком. Наш возница узнает, что мы из Воронежа.

-Ну, как там жили?
- Плохо. А вы тут как?
- Да тоже неважно.

Я расспрашиваю его. Он рассказывает без большого желания. И меня он особенно и не расспрашивает:

- Да что от них можно ждать, от большевиков. Конечно, хорошего не жди. Так вы говорите, что голодно было. И у нас не лучше. Ведь перед уходом из города большевики сожгли все продукты. Ни себе, ни людям, а псу под хвост. Все сожгли. Вы говорите орловец? Значит, знаете город. Знаете магазины на Кооперативной бочки, склады и продуктовые и товарные? Там все сожгли в одну ночь, все кварталы от Черкасской и до Вос-

крессиской. Вот сейчас проходить будем - увидите. А что сжечь не успели - попортили. Керосином муку обливали. В тех городах, которые немец сразу брал, хоть осталось все, люди запасы сделали. А у нас почти что ничего не получили. Так, ерунду всякую: у меня один приятель пуговиц принес несколько коробок. До сих пор продает их на базаре. Да что это - безделица. Да вот еще горелой рожью и пшеницей немного запаслись. С элеватора носили. На этом кой-как и перебивались.-

- Ну, а как тут немцы... с населением? - спросил я.

- Да так - ничего. Жить с ними еще можно. Не зверствуют. Повесили, правда, в первый день двух человек. Говорят, "истребители", что здания поджигали. А может и так, кого попало схватили, под горячую руку. А так ничего. Вот, на Украине, говорят, хуже. Там эти самые комиссары их насхали. Те свирепствуют. Не дай Бог, и к нам нагрянут. А с этими, с военными, жить можно. Вот только бы войне конец. Как там у вас слышно. Скоро Сталин сдастся? Надоело уже. Кончится, может эти домой уйдут? Правительство наше будет? Как вы думаете? -

Что я мог ему ответить? Я сам хотел бы услышать ответы на эти вопросы.

На прощанье он, видимо, чтобы ободрить меня, вступившего на "освобожденную землю", сказал:

- Знаете, здесь все-таки легче. Здесь хоть ругать можно - и ничего, не сажают. Легче дышится, хоть и голодно.

Все-таки, значит, легче.

Как и когда-то, после своего бегства из-под ареста в 1937 году, я постучал в ту же дверь, к моему большому другу. Здесь ли он? Жив ли? Ведь прошел почти год после того, как мы виделись с ним, во время моего последнего приезда в Орел.

Дверь открылась. Жив! Цел! Мы крепко обнялись.

- Ну, как здесь? Как ты? Что делаешь?

В моем голосе, очевидно, была и тревога. Он не сразу ответил. И из его рассказа я понял, что всё это не то, чего мы ждали. Не помогать нам пришли немцы большевизм сбросить... И все-таки, если бы мы даже заранее знали, зачем они к нам идут - мы бы пошли по тому же самому пути: сначала сбросить большевиков...

Недели через две я делал доклад в городском театре о жизни в Воронеже. На афишах доклад назывался так:

"В Воронеже при большевистском владычестве".

После доклада ко мне подошла пожилая женщина, по виду бывшая учительница:

- Спасибо вам. Теперь спокойнее. А мы думали, что там изменилось к лучшему. А там все то же, только хуже. Несчастная наша страна...

"А почему же все-таки спокойнее? - подумал я. Очевидно, потому, что и ее не оставляют сомнения: а правильно ли сделала, что осталась, что ждала конца большевизма. А вдруг он там изменился, не тот уже". "Все тоже, только хуже"... Значит правильно поступила.

Я с жадностью впитывал впечатления, присматривался, изучал жизнь, людей.

Побывал и в городской управе, где встретил нескольких знакомых. Управа - в одном из лучших зданий города. Кабинет городского головы. Кабинет заместителя. Кожаные кресла. У дверей дежурные полицейские. Большой штат служащих. В комнате машинисток - стучат машинки. И ни одного немца.

Как это хорошо - без немцев!

Когда узнают, что я из Воронежа, меня окружают любопытные лица.

- Ну что, что там?

Заместитель городского головы, мой старый знакомый, закрывает дверь на ключ.

- Рассказывайте, как там жизнь?

Он слушает с интересом, поддакивая.

- Конечно, конечно, я так и знал. Банда проклятая! До чего довела народ! -

Его не нужно успокаивать, он не испытывал никаких колебаний. Знает большевизм достаточно: прошел через конвейер НКВД, сидел несколько лет и только перед самой войной вышел

на свободу. Он не сомневается в правильности избранного пути, хотя немцев ругает так, что я с тревогой посматриваю на закрытую дверь: а вдруг там слышно.

Он замечает мои взгляды.

- Не беспокойтесь: там не слышно. Двери видите, дубовые, еще до большевиков деланные. Да хоть и слышно. Мы и в глаза им говорим. Вот поживете здесь, сами то же будете говорить.

Узнаю, что хотя немцев в самой управе и нет, и ряд дел и вопросов управа решает самостоятельно, подчиняется она непосредственно коменданту города генералу Гамману. Почти ежедневно городской голова должен бывать в комендатуре. Знакомлюсь и с самым головой. Александр Сергеевич Старов - бывший офицер старой русской армии, до войны служил не то счетоводом, не то бухгалтером.

У двери его кабинета высоченный полицейский щелкает каблуками. Массивная дверь / а, действительно, отличные двери делали когда-то, на славу строили русские инженеры / бесшумно открывается. Из-за огромного стола выходит небольшой старичок с густыми усами и военной выправкой.

- Очень рад. Садитесь.

Он и в своем кожаном кресле сидит выпрямившись, по-военному. Справа, в полуоткрытом ящике стола, вижу револьвер.

- Что, или "гости" заглядывают?
- Да, были...

Старик не столько интересуется Воронежем, сколько хочет как можно подробней рассказать о своем Орле. Видно, что он просто болеет им. Во мне он находит отклик: я тоже, как и он, уроженец Орла, тоже люблю наш город.

Старик жалуется на немцев:

- Трудно, очень трудно. Связывают по рукам и ногам. Лезут во все мелочи. Удивительно мелочные люди. Не дают, например, торговлю развить. Дайте сейчас свободу в торговле - из-под земли бы все достали. Так нет, не дают... И почему - не пойму.

Голова значительно снисходительней к немцам, чем его

заместитель. Он не ругает их, а только жалуется, как на вздорных, непонимающих его родственников. Старик верит, что немцы разобьют большевиков, а потом предоставят России полную самостоятельность.

- Войдите и в их положение. Война. У самих не много. Где они возьмут? Могли бы, конечно, больше сделать, но мелочны.

- Вы вот в газете будете работать, - говорит он на прощанье, - помогайте нам, помогайте население защищать. И людям нашим дайте понять, что мы делаем все, что можем.

Редакция орловской газеты "Речь" подчинялась не комендатуре, а командиру роты пропаганды 2-ой немецкой армии. В редакции тоже сидели одни русские, газета выходила без предварительной цензуры, но на ней все же лежала печать немецкого политического надзора.

Для защиты и помощи населению искали и находили другие пути.

Эти пути шли через личные знакомства с немецкими чиновниками, в борьбе за русского человека, которую вели все без исключения честные антибольшевики, использовался постоянный антагонизм между различными немецкими ведомствами.

Начинает, например, "Викадо" / хозяйственная военная организация / проводить хищнические поборы в районе. Начальник района едет к фельд-коменданту и заявляет, что в результате самочинных действий среди населения усиливаются антинемецкие настроения, уже есть случаи ухода в лес, к партизанам... Слово "партизан" немцы не могут слушать спокойно. Фельд-комендант перепуган, возмущен. Он мчится в свой "Корюк"/штаб тыла армии /. Оттуда летят секретные доклады в штаб армии. В "Викадо" отправляется соответствующее распоряжение.

Для немца главное - приказ: "Бефель ист бефель". Приказано считать русских унтерменшами, обирать их, унижать их человеческое достоинство - он и выполняет, часто не соглашаясь внутренне с приказом, но выполняет его добросовестно и старательно. Столь же старательно он выполнял бы диаметрально противоположные распоряжения.

В подвале дома, где я жил в Орле, в Школьном переулке, одна немецкая часть, расквартированная по соседству, устроила бомбоубежище. Для русских, жителей нашего дома, отвели

небольшой угол. Однажды, во время особенно продолжительного и сильного налета, часовые, стоявшие у входа в подвал, не пустили вообще нескольких русских.

Я рассказал об этом в штандорткомендатуре. На другой день приехал к нам личный адъютант коменданта города и офицер из штаба армии. Осмотрел подвал, опросил жителей.

Вечером, когда на окраине загрохотали зенитки, часовых у подвала не было: они ходили по квартирам и вели жильцов в бомбоубежище. Одну старуху, ни при каких бомбежках не выходившую из свой комнаты, пытались увести насильно. Старуха наотрез отказалась. Немцы уговаривали: "Бефель ист бефель". Разорвавшаяся неподалеку бомба прекратила спор: немцы бросились к подвалу.

Впрочем, не все немцы слепо выполняли "бефели" нацизма. В той же части я знал ефрейтора Иоахима Г., юриста по образованию, уроженца Дрездена. Он старательно учил русский язык и уже сносно говорил. Вполне интеллигентный, культурный, он не скрывал своих политических убеждений, не скрывал, что ему глубоко враждебен нацизм с его бредовой расовой теорией, с его атеизмом, аморальностью, с его Гестапо и концлагерями.

- Наш строй, - говорил он, - такой, как ваш, как большевизм. Гитлер не лучше Сталина. Гитлер фанатик, он все погубит. Он будет разбит.

- Да что вы, - возмущался я. - Большевизм должен быть разбит, Мы должны его разбить. Иначе все погибнет...

Мы часто так спорили. Он доказывал, что нацизм погибнет, я доказывал, что большевизм...

Ему трудно было говорить по-русски. Спор утомлял его иногда. Он подходил к окну, из которого открывался вид на поля и говорил:

- Я полюбил вашу страну и ваш народ. Если бы не было ни этой проклятой войны, ни Гитлера, ни Сталина, вы могли бы приехать ко мне в Дрезден,в гости. Там такая чудесная картинная галлерея. А я бы приезжал к вам, как турист. Я бы посмотрел ваш Эрмитаж. Вы были в Петербурге? Он красив?

Однажды, когда мы стояли так у окна, он, обращаясь к жене и глядя на раскачивающиеся под осенним ветром ветви старых лип, над которыми кружилась стая галок, воскликнул:

- Посмотрите, какое качество ворон.-

Это было трогательно: "качество ворон"...

Вообще ефрейтор Иоахим Г. оставил в моей семье хорошее воспоминание. Каждый раз, например, когда он приходил - приносил печенье или конфекты и, отдавая пакетик жене, говорил:

- Это про вас.

Его поправляли:
- Для вас, надо говорить. -

- О, вы совершенно правы: для вас, для вас. Это для вас.-

Русский язык ему явно нравился и он все реже делал в разговоре ошибки.

Нашего Иоахима / так мы его называли в семье / я встретил совсем недавно, незадолго до моего отъезда из Германии, в одном из северных немецких городов.

Он был в армии почти до конца войны. Перед занятием Дрездена советской армией вернулся туда, избежал плена. Начал служить.

- Потом меня арестовали. Меня держали в тюрьме - и я не знаю, за что. Потом выпустили. И вот я бежал. Я только теперь понимаю, почему вы здесь. Сталин - это даже хуже Гитлера...

Почти у каждого русского был такой "наш Иоахим".

Справедливость требует отметить, что и среди высшего военного немецкого командования находились люди, противодействующие проведению антирусской политики, защищавшие в какой-то мере даже интересы населения.

Редакция "Речи" в Орле не имела своего здания. В двух небольших комнатах сидело 6 или 7 человек. Долго искали подходящее помещение. Наконец, нашли. Почти не жилой дом на Болховской улице, в котором жила только одна семья, не возражавшая против переселения, в том случае, если редакция подыщет ей подходящую квартиру. Квартиру нашли, договорились с городской управой.

Случайно узнали об этом в штабе армии и категорически заявили:

№ 58

- Переселять никого нельзя. Есть приказ командующего: не беспокоить население, не занимать жилых домов даже военными частями.

Командовал в то время 2-ой танковой армией, штаб которой находился в Орле, генерал-полковник Шмидт, участвовавший потом в заговоре против Гитлера и погибший в застенках гестапо.

Для него тоже "бефель" не был "ист бефель".

Перед эвакуацией Орла, в июне 1943 года, комендант города генерал Гамман сам приехал в больницу, где оставались больные со своим персоналом, привез продукты, привез даже цветы, сказав при этом соответствующую моменту речь.

После эвакуации Орла генерал получил назначение в Брянск, а затем в Бобруйск, где он попал в плен летом 1944 года, а в 1945 году был повешен большевиками в Брянске.

Гражданскими делами на территории армии ведал 6 отдел штаба армии. В Орле один из офицеров, ведавших гражданскими делами, капитан Пак, сделал немало хорошего и для русских самоуправлений, и для населения и оставил у всех, кто знал его, светлую память.

Военное командование выполняло, конечно, основные принципиальные директивы Берлина, например, директивы о наборе рабочей силы для Германии, могло в частных вопросах вести и свою самостоятельную политику. Военное командование давало больше самостоятельности местным самоуправлениям, организовывало добровольческие антикоммунистические отряды, открывало школы, театры, кино. От военного командования / штабов армии / зависел и характер проведения репрессий против населения, которые вызывали действия партизан и большевистского подполья. В одних местах репрессии носили массовый бессмысленный и жестокий характер, в других массовые репрессии вообще не проводились и даже аресты и расстрелы представляли не частое явление.

В Орле, например, весной 1943 года, в немецком концлагере, в деревне Некрасовке, было не более 150 заключенных, в то время как до войны, при большевиках, число заключенных в Орловском каторжном централе колебалось в разное время от 5000 до 10.000 человек.

А совсем недалеко, в Смоленске тюрьма была набита. Гестапо арестовывало десятки часто невинных людей. Арестованные подвергались избиениям и пыткам.

В Бобруйске в 1944 году производились большие оборонные работы вокруг города: рылись окопы и противотанковые рвы, строились укрепления. В работах принимало участие и население Бобруйска. На работу ходили учреждениями и предприятиями. Больные, старики, женщины с детьми получали освобождение. Работающих кормили. Немецкие солдаты и офицеры, руководившие работами, не позволяли себе ни одной грубой выходки, не повышали даже голоса. Работали тысячи людей. И никто не роптал, никто не бежал в лес.

Совершенно иную картину наблюдал я в октябре 1943 года в Могилеве, который находился на территории, подчиненной штабу 4 армии.

Здесь мобилизация на работы по рытью окопов вокруг города проводилась наиболее излюбленным немцами способом: жителей ловили просто на улицах, забирали из домов. "Акция" проводилась два дня. В первый день собрали около 200 человек, загнали в какой-то двор, обнесенный колючей проволокой, поставили часовых. Когда стемнело, люди начали разбегаться. Остатки перевели в пустое здание, дали соломы для сна. Усилили охрану. На другой день город обезлюдел, мужчины попрятались. К концу второго дня половину захваченных пришлось отпустить, потому что они работали или служили. В результате на работу отправили не больше 20 человек.

В Бобруйске, Могилеве и других городах на дверях зданий, занятых немцами, висели, напечатанные по-немецки и по-русски, объявления:

"Русским вход воспрещен.
Будут стрелять".

После приезда в Бобруйск штаба 9 армии объявления эти сняли.

Далеко не везде военное командование вело себя так, как в Орле. И на территории 2 и 9 армий, командование которых проводило более гуманную политику по отношению к населению, чем в других местах, совершались и массовые репрессии, и бессудная расправа над мирными жителями, уничтожение целых деревень.

Ранней весной 1943 года в деревне Соврисовке, прежде Брянского округа, а теперь Брянской области, немцы расстреляли несколько семей партизан: женщин, стариков, детей. Трупы бросили в лесу. Мальчик и девочка, 5 и 8 лет, раненые вернулись в деревню. Крестьяне доставили их в лазарет русского добровольческого полка. Врач Горячев сделал детям перевязку, спрятал их. Через несколько дней немцы узнали об этом. Детей отняли.

На окраине Брянска ночью партизаны открыли огонь по немецкому патрулю и ранив одного солдата, ушли в лес, начинающийся в сотне метров от последних домов улицы. Утром улицу оцепили войска, выгнали всех мужчин - и каждого десятого тут же расстреляли. Ни один из них не имел никакого отношения к партизанам.

Летом 1943 года в 12 верстах от Могилева, в деревне, партизаны убили двух немецких солдат. Карательный отряд, прибывший из Могилева, окружил деревню. Жителей согнали в одно место. Избы подожгли. Людей стали бросать в огонь. Живых. Сопротивлявшихся убивали. Сожгли всех. Уцелело несколько человек, только те, которые ездили в Могилев на базар. Женщина, вернувшаяся с базара, увидела: вместо избы ее, головни и зола, а в золе обуглившиеся трупы троих детей...

После этого все окрестные села ушли в лес, к партизанам.

Нужно отметить, что такие репрессии проводились преимущественно в тыловых районах. Чем глубже в тыл, тем немецкая политика носила более жестокие формы. Проводили такие дикие репрессии не регулярные части армии, а гестапо и специальные команды войск СС.

Еще хуже было положение в областях, подчиненных восточному министерству Розенберга. "Золотые фазаны", в большинстве своем члены национал-социалистической партии, олицетворяли собой гитлеризм с его звериной моралью, с его попранием всяких прав человека - не немца, с его бредовой идеей "херренфолька".

"Золотые фазаны" смотрели на занятые земли, как на немецкие колонии, и немецкая политика здесь носила открыто колониальный характер.

Заложничество, расстрелы, массовые репрессии против целых населенных пунктов - все это было повседневным явлением

на Украине и в Белоруссии, все это порождало глухую ненависть к иноземным пришельцам.

На Украине, например, крестьяне жили материально совсем хорошо, значительно лучше, чем до войны, в колхозах; жили лучше, чем в центральных оккупированных областях, но немцев ненавидели не меньше, потому что "золотые фазаны" не могли вызвать ничего, кроме ненависти.

Страшные преступления совершали гитлеровцы на захваченной земле. На Холмщине, например, немцы разжигали национальную рознь между украинским и польским населением, поощряли массовые убийства, которые совершали с той и с другой стороны ослепленные ненавистью крайние националисты.

Там же, в Холмщине, немцы и сами производили массовое истребление населения. Причем здесь истреблялись не партизаны и или их семьи, не люди, заподозренные в сочувствии к коммунизму: истреблялось все население.

Вот рассказ священника с Холмщины:

"Мы жили, как на фронте. Каждую ночь то поляки резали украинцев, то украинцы поляков. Украинские националисты истребляли и русское население. Немецкие власти никаких мер не принимали. Наоборот, мы знали, что немцы поощряют и тех и других.

А что сами немцы творили. Они производили систематическое истребление населения, всего подряд. Увозили целые деревни в лагеря смерти - и поголовно уничтожали.

Я никогда не забуду одного страшного дня. Рано утром, когда еще было темно, меня разбудил громкий стук в дверь. Подошел я к двери, слушаю.

- Отворяй! - кричит, и по-польски и по-немецки.

Открываю дверь. Два эсэсовца и польсиий полицейский.

- Немедленно все на площадь!

Кое-как оделся, разбудил жену, детей. На площади уже собирались крестьяне. Вся площадь была оцеплена эсэсовцами с автоматами и собаками. Когда согнали всю деревню, на площадь вынесли стол и стул. К столу сел эсэсовский

офицер, по бокам его стояли два здоровенных эсэсовца с звериными мордами и польские полицейские. Нам было приказано по одному подходить к столу. Эсэсовец смотрел на каждого тусклым свинцовым взглядом и махал рукой:

- Направо. Налево. -
Направо - значило: смерть.

Тех, кого звероподобный эсэсовец отсылал направо, сажали в машины и увозили. Мы знали, что никогда не увидим увезенных...

Происходили душераздирающие сцены. Зверь, в образе человека, сидящий за столом, разлучал семьи: жену налево, мужа направо, детей - налево, родителей - направо. На мольбы, на крики о помощи отвечали стоящие у стола: они били людей прикладами, ногами, палками.

Когда я подошел с семьей к столу, польский полицейский наклонился к сидящему за столом и что-то сказал ему на ухо.

Я только расслышал:
'Руссише поп'...

Зверь посмотрел на меня и махнул рукой: 'Налево!'
Это значило: 'Пока - жизнь'."

На оккупированных немцами территориях действовал только один закон: закон произвольного приказа военачальника, от командующего армией до коменданта глухой лесной деревни.

Каждый комендант являл собою ничем не ограниченную власть, ибо никаких законов, никаких положений, которыми он мог бы руководствоваться, кроме пресловутого "бефеля" вышестоящего начальника, у него не было.

Поэтому в Харькове, например, где осталось около 400 тысяч населения, почти не было школ: местное командование запретило открывать школы. В Орле, наоборот, военное командование не только дало разрешение на открытие школ, но и рекомендовало собирать учителей на совещания в специальные политшколы.

В тех областях, где хозяйничали комиссары Розенберга - они действовали на основании общих распоряжений Розенберга и, на основании известного "принципа": чего моя левая нога хочет.

В украинских местных самоуправлениях немцы иногда даже били служащих. Этого не происходило в армейских районах.

Немцы били и рабочих на предприятиях. А на законное возмущение русских отвечали:

- Но без этого невозможно работать. У нас тоже бьют учеников...

Может быть, и бьют - в Европе... Русского же человека возмущает сам факт битья, безотносительно к тому, какую цель оно преследует, "педагогическую" или какую-нибудь иную. В НКВД и били, и пытали; избивали арестованных в милиции, за закрытыми дверями, но никогда ни один представитель власти не рискнул ударить человека на улице, публично. В факте избиения / это не относится к обычным дракам / русский человек видит унижение человеческого достоинства.

Мне рассказывали: в городскую управу небольшого южнорусского города ворвался немец и начал орать на секретаря управы, требуя каких-то подвод, каких-то квартир. Секретарь ответил, что он не может немедленно удовлетворить эти требования, что нужно подождать. Взбешенный немец ударил секретаря. В зале, где сидело несколько служащих, наступила гробовая тишина. Секретарь побледнел и инстинктивно отвел руку назад. Еще минута - и он бросился бы на немца. Немец, повидимому, почувствовал это. Он повернулся и хлопнул дверью, выскочил на улицу. Все старались не смотреть друг на друга. В вашем присутствии ударили человека, взрослого человека! Этого русский не может простить!

Антинемецкие настроения разлились широкой волной по всей оккупированной России. Немцев стали ненавидеть. Все. И в том числе убежденные антибольшевики, принимавшие самое активное участие в борьбе с большевизмом, стоявшие рядом с немцами.

Трудно сказать, когда именно произошел перелом в настроении населения. Перелом происходил постепенно, под влиянием ряда причин: под влиянием страшных вестей из лагерей военнопленных, под влиянием вывоза в Германию рабочей силы, преимущественно молодежи, под влиянием всей политики немцев, не скрывающих даже своих целей расчленения, уничтожения России, порабощения народа.

Лагери военнопленных - одно из самых тяжких преступлений гитлеризма. Миллионы людей сдались в плен. Миллионы людей го-

товы были воевать против большевизма, рядом с немцами. Их, эти миллионы, заперли за проволоку, их уничтожали голодом, их убивали!

О лагерях военнопленных уже много написано. И еще будет написано.

Я приведу только два рассказа.

"... За проволокой 20 тысяч человек. Под открытым небом. Не люди, а тени. Иногда немцы привозят гнилую картошку, конину. На всех нехватает. Вот ведут лошадь, худую, кости и кожа. Толпа ждет. Заранее пытаются протиснуться ближе к тому месту, куда впустят лошадь. Только эту лошадь пускают за проволоку, толпа бросается на нее. Огромная куча барахтающихся тел. Через несколько минут на том месте, где стояла лошадь, - ничего нет. Последние капли крови кто-то по собачьи слизывает с земли. Полураздавленные, по женски скуля и причитая, отползают в сторону."

... "В лагерь привезли баланду. Ее раздают, как всегда, на дворе. Берут в то, что имеют: в старый, измятый котелок, в заржавленную консервную банку, в кружку, в шапку, просто в горсти... Одни лакают тут же, не в силах ждать. Другие, шатаясь, несут туда, где спят, в большое каменное здание - в тюрьму. Длинная, длинная лестница. Ее трудно одолеть обессиленным от голода людям. На первой площадке лежит человек. Он упал и не мог встать: теперь мертв. Когда ходил, наверно, вспомнил о баланде, хотел перед смертью глотнуть хоть немного. Не смог: вылил все на грудь. Так и лежит, покрытый коркой замерзшей баланды. Выше, на лестнице, еще два трупа. По утрам трупы выносят на двор и складывают длинными штабелями, как дрова"...

Страшные картины!

Позже, в 1942 и 1943 годах, положение в лагерях военнопленных резко изменилось. Немцы утверждали, что в 1941 году они не ожидали такого количества пленных, что не подготовили помещений, продуктов...

Спорить не приходится: пленных захватили слишком много, продуктов не запасли, но как объяснить бобруйскую трагедию, где сожгли живыми несколько тысяч человек, где пытавшихся вырваться из огня расстреливали из пулеметов...

Происходило сознательное истребление пленных и гражданского населения. По заранее продуманному, разработанному плану.

Стиснув зубы, стояли на своем посту антибольшевики. Перед их глазами же стояло два страшных призрака: немецкий гитлеризм и большевизм. Что же страшнее?

Одни не выдерживали, уходили в лес, к партизанам, начинали беспощадно бить немцев. Другие попрежнему непоколебимо стояли на своем - сначала разбить большевизм! И верили, что поработить Россию немец не сможет, как никто и никогда не сможет ее поработить!

Если бы не большевизм, если бы немцы пришли в свободную Россию - завоевать ее, Россия вся бы ушла в лес. И тогда, да, действительно, земля горела бы под ногою завоевателя!

Так что же страшнее? Большевизм или нацизм? Оставим в стороне субъективные впечатления. Обратимся к фактам. При отступлении Красной армии в занятых немцами областях осталось 70 миллионов человек, которые не хотели уйти с большевиками. При отступлении немцев на Запад бегущие от большевиков забивали все дороги. В занятых немцами областях стояло под ружьем, в добровольческих антибольшевистских соединениях, более 500 тысяч человек. Несмотря на гитлеризм!

На первый взгляд в оккупированных областях как-то наладилась жизнь. В прифронтовых районах с крестьян не брали налогов - и здесь вас обязательно угощали крепким самогоном с яичницей и хорошим куском свиного сала. Давно такого не видели!

Вообще голодно жили, но базар торговал бойко, заставленный десятками крестьянских подвод. И откуда что взялось? Откуда эти новые телеги, шустрые лошаденки?

Открылись комиссионные магазины и различные ремесленные мастерские, закусочные и полукустарные заведения по выделке мыла и патоки...

В городских управах собирались на художественные вечера, люди ходили друг к другу в гости, устраивали крестины и именины.

Учительница музыки давала частные уроки, а на главных улицах мальчишки- разносчики выкрикивали названия местных газет.

Но все это было какое-то не настоящее. Сознание, что не сегодня-завтра покатится фронт - еще усиливало это странное впечатление от окружающего. А если даже немцы и победят, то что же будет? Освобожденные местности? Не Россия, даже не области, а местности... Все сильнее разгоралось в сердцах людей горячее чувство любви к России - поруганной и заплеванной: и немцами и большевиками.

Проснулось, всплыло на поверхность души, спрятанное глубоко при большевиках, религиозное чувство.

Молящиеся переполнили церкви, по деревням носили чудотворные образы. Молились так, как давно не молились. Не было семьи, в которой не было бы своего горя, не было бы жертв: арестованных НКВД и погибших в Сибири, насильно эвакуированных на восток, взятых в армию и пропавших без вести, погибших в лагерях военнопленных, убитых советскими бомбами, которые каждую ночь сыпались на мирные русские города, увезенных в Германию на работы, пропавших в застенках Гестапо, оставшихся там, за линией фронта...

Если бы русское горе дымилось как огонь, то дымом окутался бы весь мир!

Молились истово! Мне не забыть первого посещения церкви в Орле. Мы пришли всей семьей, с женой и дочерью, которая входила в церковь первый раз в жизни.

Когда мы вошли, я вдруг увидел, как у дочери, у этого маленького человека, впервые вошедшего в храм, побежали по щекам слезы.

Такой же, как в 1941-42 г.г., взрыв религиозного чувства я наблюдал еще раз, в дни насильственной репатриации в Германии, в те самые дни, когда солдаты страны, считающей себя оплотом свободы, вытаскивали из церкви за бороду русского священника, а молящихся гнали прикладами в машины - на смерть!

20-21 июля началась эвакуация Орла. Потом мне пришлось оставить несколько русских городов: Брянск, Смоленск, Могилев, Бобруйск. Но в Орле, где я родился и вырос, я оставлял Родину.

В моих дневниках записано очень скупо:

"До 5-го июля на фронтах царило относительное спокойствие. Однако это спокойствие тревожило. 6-го июля

сводки принесли известие, что в районе Белгорода и Орла началось большое сражение. Позже выяснилось, что грандиозное советское наступление было предупреждено немецким контр-ударом у Белгорода. 'Курский кулак,' состоящий из 200 крупных соединений, не мог сокрушить советского фронта: скоро он потерял свою удельную силу. Сражение же распространилось на север. Начались крупные бои в районе Новосиля, Мценска, Болхова, на северо-восток и север от Орла. Большевики все время подбрасывали свежие силы. 19 июля стало известно о прорыве немецких линий в районе к юго-западу от Болхова. Советские танки подошли к железнодорожной линии Орел-Брянск. Под Орлом нависла угроза окружения. В городе началась паника. 21 июля я с семьей выехал в Брянск.

Перед самым отъездом ко мне зашел проститься мой больший друг, который оставался в Орле.

- Сведения очень тревожные. Железнодорожная линия перерезана. Вряд-ли вам удастся проскочить. Боюсь я за вас...

Мы проскочили, потому что под Хотинцем прорвавшуюся группу советских танков уничтожил гранатами русский добровольческий батальон. Немцы побросали оружие и в панике бежали. Добровольцы остались на месте - и спасли положение. Танковый отряд действовал по немецким типам, сеял панику. Но он не имел связи со своими. Дорога на Брянск была свободна.

Орел держался до 4 августа. 31 июля я ездил туда еще раз из Брянска.

Город пустынен. Те, кто решил уезжать, уехали. Те, кто остался, не выходят без большой нужды на улицу: ползут слухи, что немцы в последнюю минуту угонят с собой всех мужчин. Двери в домах плотно закрыты, на окнах спущены занавески. Редко-редко скрипнет калитка, покажется женская голова - и снова спрячется. Улицы пустынны. Только на Кромской и Карачевской, все в одну сторону, к Брянскому шоссе, проносятся одна за другой военные машины. В центре, на Московской и Болховской, саперы рвут большие здания.

Вот и окраина, последние деревянные домики. Наша машина выезжает на Брянское шоссе. Шофер дает газ. Я последний раз оборачиваюсь назад, на город. Слышна далекая

канонада. Слева, над нагорной частью города, в районе Педагогического Института и бывшего Кадетского корпуса, поднимаются клубы серого дыма, вслед за ними вырываются снизу языки пламени. Город горит...

Местные самоуправления.

Большевики жестоко расправлялись с работниками русских самоуправлений и особенно с работниками полиции и офицерами и солдатами добровольческих антибольшевистских отрядов, которых им удалось захватить при наступлении.

В 1943 году Верховный Совет издал специальный указ о введении смертной казни через повешение - "за измену родине и сотрудничество с врагом".

В Краснодаре, Чернигове и других городах захваченных "изменников", после жестоких пыток и мучений и инсценировки суда, вешали на центральных площадях, согнав на место казни все население. К лету 1944 года публичные казни приняли массовый характер. Вешали в каждом занятом городе, в каждой деревне.

Почему большевики относились к людям, выступившим против них, с такой ненавистью? Потому что именно в них, в российских антибольшевиках, большевизм видел и видит смертельную угрозу собственному существованию. Потому что в оккупированных немцами областях именно российские антибольшевики - в печати, в лекциях и докладах - разоблачали большевизм, вели широкую пропаганду среди населения, потому что российские антибольшевики наносили наиболее чувствительные удары большевистскому подполью и партизанскому движению, потому что российские антибольшевики боролись против немецкой антирусской политики, защищали население, препятствуя тем самым росту пробольшевистских настроений. Вот почему большевики с такой нескрываемой яростью преследовали тех, кого они называли "изменниками" и "предателями".

Всегда во всех войнах находились и перебежчики и предатели. Движущим мотивом их действий чаще всего являлись корыстные цели: либо денежное вознаграждение, либо карьеристические побуждения.

Какие же корыстные цели могли привлекать миллионы людей, поднявшихся против большевизма в годы войны? На какое вознаг-

раждение могли рассчитывать они? Где и какую карьеру делать?

Старик-профессор, отказавшийся уехать со своим университетом в глубокий спокойный тыл на свою старую, любимую работу - и оставшийся перед неизвестностью, перед бомбежками, перед голодом, или инженер, променявший перспективу спокойной жизни в тылу, обеспеченной работой, тоже на полную неизвестность - какие корыстные цели они преследовали? Они оставались только потому, что не хотели уходить с большевизмом. И, кроме того, они верили, что пришли решающие дни, что большевизм - на краю пропасти, что нужно помочь сбросить его в эту пропасть.

Четыре миллиона солдат и офицеров сдались в плен. Семьдесят миллионов осталось на месте, на оккупированной земле. Десятки тысяч человек стали под ружье, в добровольческие отряды. Их было бы во много раз больше, если бы немцы не препятствовали созданию русских вооруженных антибольшевистских сил. Многие тысячи пошли в местные самоуправления, в полицию, в печать. Каждый наносил удар большевикам там, где он мог, где он нашел применение своим силам. Каждый стремился нанести наиболее чувствительный удар.

За исключением единиц, действительных карьеристов и предателей интересов России, верой и правдой служивших немцам, - служили не немцам, а делу борьбы против большевизма, в конечном счете России.

Организовывались самоуправления разными путями: в одних городах бургомистров немцы просто назначали, в других соблюдался некоторый демократический принцип - выборности.

Так создавалось самоуправление, например, в г.Карачеве Орловской области. Немецкая комендатура пригласила на собрание интеллигенцию города - врачей, учителей, инженеров и предложила выбрать городского голову. Избрали очень популярного в городе врача.

Избранный таким образом городской голова создал управу, пригласил на основные, руководящие посты известных ему людей, которые в свою очередь создавали аппарат своих отделов из людей, известных им.

В Орле городской голова не избирался, а был назначен немецкой комендатурой. В комендатуре, очевидно, уже были характеристики видных горожан, так как чиновник комендатуры приехал на квартиру наиболее популярного в городе, пользовавше-

гося большим авторитетом и любовью, доктора П., известного к тому же, независимостью своих взглядов, - и предложил ему принять пост городского головы. Доктор П. отказался, сославшись на то, что вся его семья, в том числе взрослые сыновья, находятся по ту сторону фронта и что большевики, несомненно, расправятся с семьей, если он примет такое предложение. Немцы не настаивали, понимая всю разумность доводов доктора.

Затем пост бургомистра был предложен тоже известному и популярному врачу Г., который тоже отказался, указав на некоего Ш., фельдшера по образованию, способного якобы администратора. Фельдшер Ш. стал бургомистром Орла. Его образ правления не отличался большой мудростью. Бургомистра отстранили и он куда-то исчез, уехал из Орла. После Ш. в кабинете городского головы появился человек, совершенно неизвестный в Орле, некий Р., который рассказывал, что он неоднократно подвергался репрессиям, сидел в тюрьмах и концлагерях. Показывал несколько бумаг, с соответствующими подписями и печатями, подтверждающих его рассказы. Вскоре Р. был арестован, как крупный большевистский агент. Никаких официальных сообщений не последовало.

Наконец, на посту бургомистра оказался А.С.Старов. Он оставался до конца, до эвакуации города, которую провел, несмотря на свои годы, спокойно и мужественно и одним из последних покинул город. В августе 1943 года он погиб в железнодорожной катастрофе, между Осиповичами и Минском, на партизанских минах.

В Харькове будущий городской голова, профессор Крамаренко, хорошо владевший немецким языком, сам зашел вскоре после прихода немцев в городскую комендатуру, чтобы узнать, что думают немцы предпринимать дальше, как организовывать в городе нормальную жизнь. После непродолжительного разговора профессору предложили организовать самоуправление. Городское управление профессор организовал, подобрал штаты, но вскоре был арестован гестапо и пропал без вести. В городском управлении и в городе говорили, что профессора немцы расстреляли за помощь евреям.

После Крамаренко обербургомистром Харькова немцы назначили адвоката Семененко, человека, по отзывам всех, кто его знал, глубоко порядочного, который возглавлял городское управление до конца, до эвакуации.

Делопроизводство в городском управлении велось на укра-

инском языке, издавалась украинская газета, но Харьков не знал тех отвратительных проявлений крайнего шовинизма, который принесли на Украину галичане: до Харькова им не удалось добраться.

Не было случаев проявления этого шовинизма и в других украинских городах до тех пор, пока там не появлялись галицийские "профессора" и "магистры". У них не было на Украине последователей; их пропаганда ненависти к русским и другим народам не находила отклика в народе.

В Днепропетровске городское самоуправление создавали и русские, и украинцы вместе, и до появления галичан там не наблюдалось никаких случаев национальной вражды.

В Днепропетровске, в первые же дни после прихода немцев, собралась большая группа интеллигенции, человек около двадцати, и, по собственной инициативе, решила приступить к организации городского самоуправления. Уполномоченные группы отправились к немцам, в комендатуру - и дело закипело. Создали управление, организовали редакцию газеты, полицию.

Городские самоуправления носили в разных городах разные названия: в Орле была городская управа, с городским головой во главе, в Смоленске городское управление, а городского голову здесь называли начальником города; в Харькове был бургомистрат, а начальник города именовался официально обербургомистром.

Строились самоуправления в плане организационном на базе городских и районных советов. Сохранились те же отделы и даже названия отделов: просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, городского устройства и т.д. Занятая территория делилась на тыловые области, подчиненные штабам армий. Тыловые области - на округа, уезды, районы. Тыловая область, например, второй танковой армии включала в себя Орловский и Брянский округа и ряд районов. Районы делились на волости, во главе которых стояли волостные старшины - и при них небольшой штат служащих. В селах и деревнях - назначались старосты.

Какой же круг задач имели самоуправления? Каковы были их обязанности и права?

Степень самостоятельности самоуправлений зависела во многом от того, как сложились взаимоотношения самоуправлений с местными немецкими властями. Одни руководители самоуправлений сумели добиться, если не полной самостоятельности, то, во

всяком случае, самостоятельности в решении многих вопросов. Другие руководители самоуправлений в большей степени зависели от немцев, не решали никаких, более или менее существенных вопросов без согласования с немецкими инстанциями, которым подчинялись.

Конечно, самоуправления должны были выполнять распоряжения немецкого командования, но могли выполнять эти распоряжения по-разному, могли защищать интересы населения, могли добиваться отмены тех или иных распоряжений.

Например, во многих районах, особенно в лесной полосе, в Белоруссии и на Украине, в местах сосредоточения партизан, немцы запрещали крестьянам ездить на базары в города, так как, по их мнению, под видом мирных крестьян, везущих продукты, в города направлялись и связные партизанских отрядов. Таким образом городское население лишалось единственного источника снабжения продовольствием.

Местным самоуправлениям стоило большого труда добиться отмены запрещения устройства базаров, добиться уничтожения ограничений для свободной торговли. В одних местах, благодаря способностям и энергии руководителей самоуправлений, удавалось сделать это, в других - нет.

Бороться же за свободу торговли, за возможность крестьянам приезжать на базары значительно легче мог тот начальник района, у которого хорошо работала полиция, который мог, благодаря своей полиции, парализовать деятельность партизан.

Немцы препятствовали развитию свободной торговли, так как считали, что крестьянин, продавший хлеб в город, не сможет выплатить военные поставки.

Немцы отнюдь не содействовали и развитию промышленности и ремесел, к чему стремились многие местные самоуправления.

Так, например, в Брянском округе, возглавляемом опытным администратором П. в 1941 и 1942 г.г. начала быстро расти местная легкая промышленность. Открылись мыловаренные производства, кирпичные и гончарные заводы, крупные деревообделочные и механические мастерские.

Самоуправление всячески способствовало росту местной промышленности и торговли.

Промышленность делала все большие и большие успехи - и немцы решили воспользоваться ими. Все предприятия изъяли из ведения самоуправления и передали "Викадо". В самый короткий срок начавшая так быстро развиваться и расти местная промышленность пришла в состояние полного упадка.

Самоуправления, в той или иной мере, самостоятельно ведали различными областями хозяйственной и культурной жизни. Отделы народного образования открывали школы, библиотеки, театры. Жилищные отделы ведали распределением квартир, занимались ремонтом зданий, поскольку позволяли скудные материальные ресурсы разрушенного городского хозяйства. Отделы снабжения открывали столовые, изыскивали продукты для снабжения населения хотя бы минимальным пайком. Отделы социального обеспечения открывали детские дома, приюты для престарелых, находили где-то скудные средства для содержания их.

- Какую, по-вашему, основную цель ставили перед собой местные самоуправления? - спросил я как-то одного из видных работников самоуправления, принадлежавшего к категории людей честных, служивших не немцам, убежденного антибольшевика.

Он, не задумываясь, ответил:
- Облегчить жизнь населению.

Многие самоуправления неуклонно стремились к этой цели, достигали ее.

Как же относилось население к самоуправлениям и их работникам? По-разному. В зависимости от того, кто стоял во главе самоуправлений, в какой степени самоуправление помогало населению, защищало его от произвола немцев, или, наоборот, способствовало немцам, само чинило несправедливости.

Там, где во главе стояли идейные, честные антибольшевики, самоуправления защищали интересы населения, противодействовали - и часто не без успеха - проведению бессмысленных репрессий, которые приносили пользу только большевикам, боролись с немецким произволом.

В лице работников таких самоуправлений население видело своих защитников и относилось к ним с уважением и любовью. К таким антибольшевистским деятелям, по многим свидетельствам, принадлежал, например, городской голова Винницы профессор Севастьянов, пользовавшийся исключительным уважением населения.

Там, где возглавители самоуправлений безоговорочно выполняли предписания немцев, стараясь только получить их одобрение, население относилось к самоуправлениям и их работникам с нескрываемой враждой. Характер деятельности самоуправлений, их отношение к населению во многом определяли общие настроения населения. Произвол местных самоуправлений способствовал росту и антинемецких и пробольшевистских настроений.

Деятельность советской агентуры, проникшей в органы самоуправлений и в полицию, направлялась главным образом по пути обострения отношений между местной властью и населением. Именно большевистские агенты участвовали в проведении наиболее жестоких и бессмысленных репрессий. Именно большевистские агенты старались еще больше усилить притеснения, которым подвергалось население со стороны немцев. Именно большевистские агенты провоцировали и проводили массовые аресты, в большинстве своем невинных людей. Именно большевистские агенты, проникшие в полицию и гестапо, подвергали арестованных наиболее жестоким пыткам.

Все определялось основной задачей, которую выполняла большевистская агентура: всемерное углубление немецкой антирусской политики, натравливание немцев на население, а население на немцев, способствование росту пробольшевистских настроений.

Надо признать, что в полицию, которая вела борьбу с большевистской агентурой, как раз и проникло немалое число большевистских агентов, во всяком случае в полиции было их больше, чем в любом другом органе самоуправления.

Причины, побудившие большевиков посылать своих людей в местную полицию и особенно в немецкое гестапо и в немецкую контрразведку, вполне понятны: большевистский агент, завоевавший доверие немцев, мог немало сделать для большевиков. Прежде всего, он имел возможность предотвращать аресты среди большевистского подполья. Провокационными методами он, наоборот, толкал немцев на репрессии против населения и антибольшевиков.

Надо также признать, что полиция была засорена в большей степени, чем другие отделы самоуправлений, и другими темными элементами, которые кроме своих личных, шкурных, ничьих интересов не защищали, которые к тому же с глубоким безразличием относились к делу борьбы против большевизма и к судьбам России.

Тем более необходимо отметить усилия честных антибольшевиков, направленные на защиту интересов населения, на действительную борьбу против большевистского подполья.

В том, что в полицию проникло немало темных элементов и большевистских агентов, виновны и сами наши антибольшевистские политические круги. Вообще в среде русской интеллигенции утвердился традиционный взгляд на службу в полиции, как на дело чрезвычайно неприятное. Стоит только вспомнить предреволюционные годы. Тем более отталкивала русскую интеллигенцию служба в полиции, подчиненной немцам. Русские интеллигенты - учителя, инженеры, врачи - шли в любые отделы самоуправления, только не в полицию. В результате полиция превратилась в объект для постоянных и часто справедливых нареканий. Редко где население не смотрело на полицейских, как на своих врагов.

Людей, принимавших более или менее активное участие в событиях тех бурных лет, можно было бы разделить на несколько категорий.

1. Убежденные, идейные антибольшевики, служившие не немцам, а России, своему народу, цель жизни своей видевших в борьбе против большевизма. Эта категория людей, принявшая самое активное участие в разыгравшихся событиях, пошла на союз с немцами во имя основной цели - уничтожения большевизма. Эти люди отдавали себе отчет в том, что немцы пришли не как освободители, что немцы после разгрома большевизма сделают попытку раздела России и порабощения ее. Но с немцами все-таки шли, ибо считали, что сначала нужно покончить с большевизмом, что, кроме немцев, нет никаких сил способных и главное стремящихся уничтожить большевизм. Коллоборация Америки и Англии со Сталиным лишала возможности искать какие-то иные, кроме немцев, силы.

2. Убежденные и последовательные враги большевизма, сделавшие ставку исключительно на немцев, не верившие в силы нашего народа.

3. Убежденные и последовательные враги большевизма, пострадавшие от него, видевшие цель своей жизни в мести большевикам; ослепленные чувством мести, они приносили и вред освободительному делу, мстя всем, вплоть до бывших комсомольцев.

4. Люди, работавшие в самоуправлениях и полиции не по убеждениям, а по необходимости, чтобы не умереть с голоду.

5. Карьеристы, лишенные политических убеждений, а часто и переценившие свои убеждения, бывшие коммунисты, увидевшие, что большевизм не сегодня-завтра рухнет - и перешедшие на эту сторону баррикад, чтобы не полететь вместе с большевизмом в пропасть. Деятели, принадлежавшие к этой категории, были католиками больше, чем сам Папа, были нацистами больше, чем сами нацисты, чаще, чем сами немцы, поднимали правую руку и щелкали каблуками, громче, чем сами немцы восхваляли фюрера. Потолок мечтаний и надежд людей такого сорта не поднимался выше места бургомистра или начальника полиции в будущих немецких колониях "восточных областей".

Впрочем, среди них встречались субъекты и с бо́льшими аппетитами, метившие не больше и не меньше, как в гауляйтеры "дес Русляндс".

6. В полицию проникло небольшое количество людей с уголовным прошлым. Вполне понятно, что такие "полицейские" не могли вызвать у населения ничего, кроме враждебности.

И в самоуправлениях и в полиции действовали большевистские агенты, прикрывавшиеся масками непримиримых антибольшевиков и германофилов. Вот они-то громче всех кричали: "Хайль Гитлер" и убеждали немцев и своей преданности Фюреру.

На собрании районного самоуправления по поводу празднования 1 мая бургомистр одного из районов Орловской области, У. поднял тост: "За нашу новую родину Великогерманию, за нашу столицу Берлин". Бургомистра вскоре убили. По одной версии, убрали его сами немцы, установив, что он является большевистским агентом, по другой - его убили русские антибольшевики, как немецкого лакея, принесшему немало зла русскому населению.

Действительно, трудно было разобраться, где кончался беспринципный карьерист, служивший немцам не за страх, а за совесть, и где начинался большевистский агент, надевший маску верного слуги "фюрера Адольфа Гитлера".

. . . . .

Пропаганда. Печать.

Антибольшевистскую пропаганду среди населения в занятых областях вести было и легко и трудно. Легко, потому что антибольшевистски настроенное население охотно прислушивалось к антибольшевистской пропаганде. Трудно, потому что наша пропаганда не содержала ничего положительного и строилась только на голом отрицании большевизма. Пропаганда не могла ничего

сказать о будущем России, зато немцы ее обязывали говорить о них, как об освободителях.

Истинные антибольшевики стремились параллельно с официальной линией пропаганды проводить свою линию, национально-русскую.

Пропаганда велась под наблюдением немецких цензоров. Первые же шаги в ней сделали сами немцы. Первые попытки немцев вести пропаганду собственными силами носили убогий характер. На стенах и заборах в занятых городах возвышались тогда рядом с приказами, каждый пункт которых кончался словами: "Карается смертью", воззвания к "местному населению", производившие на население самое тягостное впечатление, ибо эти "воззвания" очень напоминали висевшие рядом приказы.

Немецкая пропаганда, тесно связанная с немецкой политикой, имела две основные, весьма примитивные линии:

1. Германская армия освободила русский народ.

2. Во всех страданиях русского народа виноваты евреи.

В немецкой пропаганде не было ничего позитивного. О будущем России пропаганда вообще не говорила. Не употреблялся и сам термин- Россия. Не имела немецкая пропаганда и серьезных основ для успешной критики большевизма, для успешной идеологической борьбы с ним. Примитивность немцев в проблеме антибольшевистской пропаганды особенно ярко выразилась в листовках, которые в первые месяцы войны писались самими немцами.

Перед русскими антибольшевиками, работавшими в пропаганде, стояли с трудом преодолеваемые преграды.

Пропаганду негативную, основанную только на "против большевизма", проводили успешно, в пропаганде положительной ничего ясного, отвечающего интересам народа, сказать не могли.

Характер самой пропаганды и методы ведения ее определялись тем, что работники пропаганды / редакторы газет, журналисты, докладчики и лекторы / прошли 25-ти летнюю школу жизни под гнетом большевистского режима, знали его, умели находить слабые места, по которым ожесточенно били.

Несомненно, работники пропаганды, хотя и убежденные антибольшевики, находились под влиянием системы большевистской

пропаганды. Использовали уже знакомые методы. Однако, все время искали новые методы, новые пути. В худшем случае антибольшевистская пропаганда по методам своим являлась большеeвистской наоборот, в лучшем случае находили новые методы, новые приемы, отличные от стандартных приемов, усвоенных большевистскими пропагандистами.

Всю антибольшевистскую пропаганду в годы войны можно разделить на три периода:

1. До открытого письма А.А.Власова, опубликованного в первых числах марта 1943 года.

2. От момента опубликования письма до образования КОНР'а.

3. После образования КОНР'а, до капитуляции Германии.

В первом периоде вся пропаганда строилась на негативных основах, на голом отрицании большевизма. Сотрудничая с немцами, русские антибольшевики стремились, однако, к максимальной "руссификации" пропаганды, и проведению в пропаганде своей, национально-русской линии. Немцы и те беспринципные карьеристы, которые стремились быть немцами больше самих немцев, всячески препятствовали проведению этой линии в пропаганде.

Основные направления пропаганды первого периода определялись следующими положениями:

1. Большевизм - враг русского народа и других народов России. Идеологический гнет большевизма. Террор и насилие. Ежовщина. Насильственная коллективизация и раскулачивание. Рабский труд в концлагерях. Стахановщина и эксплоатация рабочих.

2. Евреи - главная движущая сила большевистской революции. Евреям принадлежала и принадлежит власть в СССР. /Немцы требовали, чтобы антисемитизм пронизывал всю пропаганду. Русские антибольшевики противились этому /.

3. Большевизм - явление интернациональное. Большевизм не может эволюционировать, не может измениться к лучшему. Пропаганда указывала на интернациональное значение большевизма, вопреки официальным заявлениям Розенберга и других идеологов нацизма, связывающих большевизм только с русским народом.

4. Большевистский строй, расшатанный войной, находится на краю пропасти. Победы большевиков носят временный характер. Материальное положение в СССР исключительно тяжелое. Страна не может выдержать долгой, затяжной войны.

5. Большевики творят невиданные зверства в занятых ими областях. На улицах и площадях русских городов - виселицы. Тысячи арестованных, расстрелянных, сосланных в концлагеря. Поддерживать эту линию в пропаганде давали возможность сами большевики: перебежчики, действительно, приносили сведения о терроре НКВД, о зверствах, о расстрелах и виселицах.

6. Идеологическая основа большевизма - марксизм, учение ненависти и крови, учение интернациональное, принесенное в Россию извне. Вопросам критики марксизма того времени уделялось недостаточно внимания, главным образом потому, что пропагандный аппарат испытывал недостаток квалифицированных публицистических сил.

7. Народ всегда вел борьбу против большевизма. Однако, условия большевистской диктатуры препятствовали свержению большевизма без войны.

Таковы были основные направления антибольшевистской пропаганды в занятых немцами областях в первый период, до опубликования открытого письма А.А.Власова.

Второй период, после опубликования письма, характеризуется появлением в пропаганде некоторых позитивных положений: вот теперь мы своими силами будем бороться, своими силами строить после войны новую Россию.

"Россия наша. Прошлое Росси наше. Будущее России тоже наше", - эти заключительные слова открытого письма не раз цитировались в газетах, вызывая широкий отклик среди населения.

После открытого письма Власова в занятых немцами областях прокатилась волна патриотического подъема, лишний раз указывавшая на наличие глубинных, антибольшевистских настроений в народе.

Патриотический подъем начался еще раньше, когда появились слухи о смоленской декларации Власова-Малышкина. Письмо вновь всколыхнуло его. Но после того, как за письмом не последовало никаких действий, никаких реальных событий - подъем сменился разочарованием.

Те, кто занимались пропагандой - редакторы и сотрудники газет, лекторы и докладчики - оказались в тяжелом положении. Власов есть, но о Власове нечего сказать. Время от времени газеты напоминали населению:

"Не все погибло. Есть Власов".

И только. Известий о Власове ждали с тревогой и нетерпением.

Во втором периоде сохранились почти все негативные направления первого периода. Я говорю почти все, потому что нотки антисемитизма стали звучать значительно слабее. Ряд газет и журналистов вообще не касались этой темы.

Третий период в пропаганде развивался с конца 1944 года, вне пределов России. Он был связан с образованием Комитета Освобождения Народов России. К этому времени твердые антибольшевистские настроения сохранили только добровольно ушедшие от большевиков. В лагерях военнопленных и лагерях "остарбайтеров" многие ждали Красную армию. Проявление антибольшевистских настроений, которые, однако, не исчезли совсем, вызывало резкие протесты пробольшевистски настроенных.

И тем не менее известие об образовании КОНР'а вызвало новый патриотический, антибольшевистский, подъем. В течение одного дня КОНР получил 60 тысяч заявлений из лагерей военнопленных о вступлении в РОА.

Пропаганда сразу взяла высокие тона. Заговорили о России, о ее величии. О будущей независимой, свободной России. Последовавшие за образованием КОНР'а события, лучше сказать снова отсутствие всяких событий, реальных действий - снова вызвали глубокое разочарование. Снова пропаганда повисла в воздухе.

Вот список / неполный / газет и журналов, издававшихся в занятых немцами областях СССР на русском языке:

1. "Северное Слово", Ревель.
2. "Русский Вестник", Рига.
3. "Двинский Вестник", Двинск.
4. "За Родину", Псков-Рига.
5. "Новый Путь", Рига. Журнал.
6. "За Родину", Дно.
7. "Новый Путь", Калуга.
8. "Новое Время", Вязьма.
9. "Новый Путь", Витебск.
10. "Новый Путь", Орша.
11. "Новый Путь" Борисов.
12. "Новый Путь", Могилев.
13. "Новый Путь" Гомель
14. "Новый Путь", Клинцы.
15. "Новый Путь", Бобруйск.
16. "Новый Путь", Смоленск.

17. "Колокол", Смоленск.
18. "За Свободу", Смоленск.
19. "На Переломе", Смоленск. Толстый журнал.
20. "Бич", Смоленск. Сатирический журнал.
21. "Речь", Орел, Бобруйск.
22. "На страже Родины", Бобруйск.
23. "Жало", Орел, Бобруйск. Сатирический журнал.
24. "Дмитровская газета", Дмитровск.
25. "Слово"
26. "Новая Жизнь",
27. "Голос Народа", Локоть, Лепель
28. "Новый Путь", Курск
29. "Курские Известия", Курск.
30. "Голос Ростова", Ростов.
31. "Руль", Минск.
32. "Плуг и Меч", Минск.
33. "Эхо Приазовья", Мариуполь.
34. "Наш Путь", Херсон.
35. "Голос Крыма", Симферополь.
36. "Последние Известия", Киев.
37. "Одесса", Одесса.
38. "Одесская газета", Одесса.
39. "Молва", Одесса.

Вся печать была создана людьми новыми, в газетном деле неопытными. Ведь 90 % редакторов впервые сели за редакционные столы, 75 % журналистов впервые начали писать.

Общий уровень газет, конечно, не отвечал тем требованиям, которые предъявляли к печати, к газете читатели. Из общей серой массы газет выделялись такие газеты, как "Голос Крыма" проводивший последовательнее и ярче других национально-русскую линию, смоленский "Новый Путь", помещавший нередко яркие материалы опытных журналистов, киевские "Последние известия", псковская "За Родину" и др.

Ежедневные газеты представляли собою редкое исключение. Согласно немецким предписаниям, газеты выходили не чаще трех раз в неделю, небольшого формата, небольшими тиражами. Один из самых крупных тиражей / 100-120 тысяч / имела орловская "Речь". Газет нехватало. В некоторые районы газеты совсем не попадали. Отдельные, случайно появлявшиеся номера продавали за большие деньги. Зачитывали не до дыр, а до лоскутков.

На Украине лучшей газетой, пожалуй, была "Днепропетровская газета", стоявшая на непримиримых антибольшевистских позициях, меньше, чем другие газеты, зависевшая от немцев, свободная от влияния шовинистических галицийских элементов.

Каково же было содержание газет? Передо мной лежит номер газеты "Речь" от 18 июля 1943 года, последний номер, вышедший в Орле: через два дня началась общая эвакуация города.

Вот содержание этого номера: на первой странице: передовая "Русское освободительное движение", заканчивающаяся словами: "Большевизм будет уничтожен. Русский народ будет жить,

новая Россия будет построена", сводка верховного командования немецкой армии. Над нею шапка: "Огромные потери большевиков. За два дня уничтожено 866 танков и 119 самолетов". Начинается сводка стандартной для того времени фразой:

"На восточном фронте продолжаются сильные бои". Коорреспонденция из Винницы под общим заголовком: "Украинская Катынь"; заметки: "Германские поставки Финляндии", "Делегация турецких офицеров на Восточном фронте", "Самолет Сикорского доставлен на берег".

На второй странице: статья "Сталин, его клика и народ", в которой автор рассматривает проблему борьбы нашего народа против большевизма и в частности сообщает о ряде покушений на Сталина и других вождей большевизма; ряд заметок под общим заголовком: "Япония становится сильнее"; краткие сообщения и письмо из Германии от девушки, уехавшей туда на работу, своим родителям, живущим в Орле.

На третьей странице: очерк "Из мрачного прошлого", рисующий трагические дни насильственной коллективизации; статья директора Орловского драматического театра о годовщине работы театра; корреспонденции из Брянска - "Первая выставка картин художников брянского уезда", "Открытие брянской библиотеки", из Бежицы - "На родной земле", "Выпускной вечер", "Новая церковь"и др.; "обзор прессы освобожденных местностей".

На четвертой странице: "Оповещение" немецкого командования о порядке прохождения регистрации молодежи для набора рабочей силы в Германию; заметка "Борьба с сыпным тифом". объявление о сборе книг для РОА, стихотворения, объявления театров, расписание радио-передач орловского радио-узла.

В редакции "Речи", помещавшейся в трех небольших комнатах, работало 6-7 человек: редактор, его заместитель, три сотрудника, в том числе корректор, машинистка и переводчик.

С таким скромным штатом делалась газета для целой области, газета со стотысячным тиражом.

Книги в занятых областях почти не издавались. Исключение составляет смоленское издательство, выпустившее повость С.Широкова "В сумерках" и сборник его стихов "Млечный путь", рассказ Д.Березова "Клоун". В Риге вышла книга стихов С.Есенина.

В больших количествах распространялись различные полити-

ческие брошюры, которые выпускались и местными издательствами и берлинскими.

Первые брошюры, такие как "Что дала советская власть народу?", "Что должен знать каждый?", - были примитивны по содержанию, написаны плохим русским языком. Затем появился еще ряд анонимных брошюр: "Каторжный социализм", "К новой жизни", "Я враг советской власти", "По новому пути", "Как сталинская шайка угнетала народ", "Что будет после".

Если в "Каторжном социализме" читатель находил интересные данные о рабовладельческой концлагерной системе, то брошюра "Что будет после", в которой автор пытался от критики большевизма перейти к обрисовке каких-то контуров будущего, не могла вызвать ничего, кроме недоумения и горького разочарования: собственно говоря, из брошюры трудно было узнать, что "будет после". Пресловутый "новый порядок" рисовался в довольно неясных, мрачных контурах.

Затем появились брошюры, на обложках которых указывались и авторы, например, "Ад на земле" В.Шмарова.

Брошюры бывшего немецкого коммуниста, долго жившего в СССР, К.Альбрехта "Власть Сталина", "В подвалах ГПУ", Н.Москвича "Неминуемый крах советской экономики" читались уже с большим интересом.

Наибольший же интерес вызвали две книги: воспоминания полковника В.Мальцева "В подвалах ГПУ" и сборник очерков Ивана Иванова "Это и есть большевизм".

Из Берлина присылалось много плакатов, рисованных и немецкими и русскими художниками. Кисти немецких художников принадлежали такие пропагандные шедевры, как "Новая Европа" под сенью немецкого орла, или "Что будет после". Немецкий орел "на после" - перспектива, которая могла только усилить антинемецкие настроения. И усиливала!

Уничтожение большевиками при отступлении продовольственных запасов, взрывы и поджоги жилых зданий и заводов вызвали повсеместное возмущение населения. Печать наша немало об этом писала. На эту же тему появилось несколько плакатов.

Вот один из них. Внизу, на плакате, горящие города и села. Над ними фигура Сталина. Глаза вытаращены от ужаса, горящий факел выпал из рук: рука со свастикой держит Сталина за ворот.

На плакате надпись:

"Програмша Сталина - убийцы и поджигателя! Уничтожить ваши запасы, чтобы обречь вас на голодную смерть.

Поджечь ваши города и села, чтобы лишить вас крова.

Уничтожить ваши фабрики и заводы, чтобы лишить вас заработка и хлеба.

Разрушить дороги и мосты, чт обы лишить ваши города подвоза продуктов.

Такова программа преступника Сталина".

В 1943 году, когда немцы сами перед отступлением начали взрывать невзорванные большевиками заводы и фабрики, жечь несожженные города - такие плакаты больше не появлялись.

Вот еще один плакат: "Берегись!" По человеческим телам мчится колесница смерти. Оскалены зубы взбесившихся черных коней, мелькают в воздухе окровавленные копыта. Нечеловеческой злобой и нечеловеческим страхом перед грядущим перекошено лицо возницы - Сталина. А сзади, над ним, несутся в клубах дыма и пламени оскаленные морды: Ленин, Каганович, Дзержинский, Троцкий, Свердлов...

Пропаганда, предназначенная для советского тыла, находилась почти исключительно в руках немцев. Особенно в 1941 и 1942 г.г. русские антибольшевики редко принимали участие в составлении листовок. Дпже в 1944 году "зондерфюреры" обращались к красноармейцам с такими воззваниями:

"Красноармеец, наступает весна, тебя ждет земля. Втыкай штык в землю и иди к себе домой, в Тамбовскую губернию."

Что, кроме искреннего смеха, могла вызвать у красноармейцев такая листовка?

Там, где в работе над пропагандными материалами принимали участие русские антибольшевики, такая листовка вряд ли могла появиться.

На среднем участке фронта, в Бобруйске, издавалась газета, по внешнему виду / заголовок, шрифты, формат газеты и т.д. / являвшаяся полной копией советской фронтовой газеты

"За родину". Газету делал бывший батальонный комиссар Красной армии, журналист по профессии. Газета сбрасывалась на советские позиции и тылы с самолетов. По рассказам перебежчиков, газета производила исключительное действие. Если ее обнаруживали у красноармейца, то расстреливали на месте. Был приказ сдавать "фашистскую фальшивку" в Особые отделы, не читая ее.

Добровольцы и РОА.

Пара добрых коней вынесла нас на высокий открытый бугор и в ту же самую минуту снизу, из-за реки, донеслась автоматная очередь.

Я инстинктивно пригнул голову. Один из моих спутников, унтер-офицер Н-ского добровольческого батальона, улыбнулся:

- Не бойтесь. Зря бьет: далеко уж очень. -

- Откуда же он стреляет? - спросил я, всматриваясь в туманную даль разлившейся Десны.

- А вот смотрите вправо, где несколько деревьев отдельно стоят,-сказал унтер-офицер, подавая мне бинокль и указывая рукой на далекий лес, по ту сторону реки.

Мы ехали по высокому левому берегу Десны. Правый, луговой, до самого леса на горизонте и лес залила весенняя полая вода.

Между соснами, стоящими на опушке залитого водою леса, я рассмотрел замаскированную ветвями лодку. Там находился партизанский наблюдательный пост. Оттуда и дали по нас автоматную очередь.

По правому берегу проходила граница партизанских районов. На левом берегу, до самого Трубчевска, стояли гарнизонами добровольческие батальоны.

Но и здесь часто появлялись партизаны. Недаром унтер-офицер, которого я после нашего короткого знакомства, называю просто Сергеем Митрофановичем, перед отъездом так внимательно проверил свой автомат, недаром всю дорогу мне упиралась в бок сумка с гранатами. У другого моего спутника, сол-

дата, который правит лошадьми, - на коленях тоже автомат. Вооружен и я, штатский человек: неудобный и тяжелый наган оттягивает правый карман пальто. Я его оставил на поясе, под пальто, а Сергей Митрофанович сказал наставительно:

- Там он вам без пользы будет. В карман положите.

- А что, разве, здесь тоже бывают? - поинтересовался я.

- Береженого Бог бережет, - уклончиво ответил Сергей Митрофанович и посоветовал:
- От вашего нагана пользы мало. Возьмите вот еще винтовку. Если что, - винтовка не подведет.

Взял я и винтовку.

Если не считать бесцельной стрельбы из-за реки, миновали опасный район благополучно. Как потом мне рассказали в батальоне, мы проезжали через лес, по которому пролегала "большая партизанская дорога": проходили часто разведывательные группы партизан.

Сергей Митрофанович сразу расположил меня к себе. Хорошее русское лицо, глаза добрые, крестьянские. Не идет Сергею Митрофановичу военная форма, да еще немецкая. Да он и не был никогда военным. За винтовку взялся только, когда немцы пришли.

- Большевиков бить, - поясняет он. - Всю жизнь думал о том, когда можно будет за них взяться по-настоящему.

Сергей Митрофанович - крестьянин. В 1930 году отца его посадили, как "подкулачника", за выступление на собрании против колхоза. Отец погиб в ссылке. Мать умерла от голода. Сам он, тогда еще молодой, двадцатидвухлетний парень, уехал в Сибирь. Работал в Орске, на строительстве. Получил квалификацию каменщика. Изъездил всю страну. Когда началась война, пустился на запад, "немца встречать". Тут его в армию взяли. Но воевать долго не стал.

- Не за что воевать было, нечего защищать, - говорит Сергей Митрофанович.

Солдат кивает головой:
- Правильно. Не Иоську же защищать?

Он - бывший тракторист. Тоже был в армии.

- Ну а как немцы? - спрашиваю я.

- Сволочи! - говорит коротко солдат.

Сергей Митрофанович рассказывает:

- Я не могу их понять. Почему они хотят все сами сделать? Славой своей, что ли, поделиться не желают. Да ведь и славы особой уже нет. Вон где были в прошлом году, на Волге, а сейчас что? Под Севском фронт. Так нет, и теперь вовсе сами. Не дают нам развернуться. Вот здесь даже, в батальонах: шагу не дают ступить. Вмешиваются в распоряжения командиров, путаются под ногами. Только в бою и чувствуешь себя самостоятельно: в бой немцы не любят ходить, да еще против партизан. Ну и боится немец партизан! Послушайте, когда они разговаривают между собою. Только и слышишь: 'Партизанен, партизанен'. Ну а партизаны зато боятся наших добровольцев. Редко выдерживают бой. Понимают, что бьются с нами не за правое дело, Сталина от гибели спасают.

А что у вас там нового, в газетах что пишут? Скоро Власова признают? У нас тут поговаривают, что скоро в подчинение к нему войдем. Верно это? Скорее бы. А то ведь разобьют большевики немцев. Самим им не справиться. Если сейчас русскую армию не создадут - все погибло. У нас паренек один с фронта приезжал. В 'зондеркомандо' он в какой-то, на ту сторону ходит. Так говорит, что очень там сейчас плохо. Голод страшный. Ничего нет. Население оборванное, мужчин всех под метлу гребут. 'Все для фронта!' Ну и давят немца массой. А немец уже воевать хуже стал. Как только отступление, так немец кричит: 'Аллес капут'. Ему уже кажется, что все кончено, проиграли. Но я вам с ручательством говорю: десяток наших дивизий сейчас на фронт... Как рванули бы - так до Москвы! А немец уже выдохся. Теперь ему вперед не идти. Да он и сам это понимает. А вот нам все-таки не дает развернуться. Я иногда думаю, что у немцев тоже измена может быть. Кто-то сознательно тормозит, кто-то уговаривает Гитлера не создавать русской армии, потому что русская армия - для Сталина смерть. -

Уже стало темнеть, когда показалась деревня - цель нашей поездки. Солдат ударил по лошадям и запел высоким чистым тенором:

"Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза"...

- Стой. Кто такие? - раздался внезапно резкий окрик и из-за бункера, который я принял сначала за кучу хвороста, вышли двое вооруженных винтовками и гранатами солдат. У нас проверили документы и пропустили.

Такие же замаскированные бункера стояли вокруг всей деревни, превращенной в военный лагерь. Деревня напоминала осажденную крепость. Вокруг нее - бункера. Часть крайних изб тоже превращена в бункера. С высокой деревянной вышки, крытой соломой / прямо, как во времена татарщины! /, часовые осматривают окрестности. Только вместо луков и мечей, вооружены они автоматами и пулеметами. После наступления темноты хождение по единственной деревенской улице прекращалось.

Но жизнь все-таки текла своим чередом. Молодежь собиралась вместе с солдатами на вечеринки, женщины вязали, мужчины обсуждали на сходках у старосты, как им придется в этом году сеять. Сеять собирались с оружием в руках: иначе партизаны не дадут. Офицеры читали "Речь" и "Зарю", спорили, пили немецкий шнапс и русский самогон, который, по мнению знатоков, не уступал лучшему шнапсу. Пили все - и помногу: такое уж время было проклятое.

В тот же вечер я прочитал роте доклад - "Большевизм - враг русского народа". После доклада, как обычно, задавали вопросы. Спрашивали только об одном: о Власове, о судьбах Освободительного Движения. Что я мог сказать, кроме общих фраз? О том же продолжался разговор в избе, где жили офицеры, и где я остановился на ночлег. Говорили до утра. Двое офицеров, только что вернувшиеся из Берлина, рассказывали о школе РОА в Дабендорфе. Здесь я впервые увидел немецкий журнал "Унтерменш", привезенный лейтенантом Машковым.

- Вот, - говорит он дрожащим от негодования голосом, - вот посмотрите, что они делают, как изображают русского человека, какую ненависть в своем народе стремятся поднять против нас. Все погубят: и себя, и нас. Что у них вообще происходит? Правая рука не знает, что делает левая. Зимой приезжал к нам сюда генерал Бернгард, командующий тыловой областью. С речью к нам обратился: вы, говорит, наши союзники, мы вместе должны идти против большевизма - и вашего, и нашего врага. А приезжаю в Берлин - мне "Унтерменш" в Дабендорфе показывают.

А хорошо там, в школе пропагандистов, - говорит лейтенант. - Вот где немцев кроют! Не стесняются. Там есть преподаватель Зайцев. Вот кроет! Да так только и можно, иначе ничего не добьемся. По морде прямо надо! А то ведь погубят, если уже не погубили.

Лейтенант рассказал, что в Дабендорф съезжаются офицеры со всего фронта, что некоторые приезжают туда с пробольшевистскими настроениями, другие, наоборот, с пронемецкими, а уезжают все горячими русскими патриотами, убежденными антибольшевиками.

- Такая там атмосфера. Захватывает человека. Я теперь больше надеюсь на нашу победу, именно на нашу, русскую, а не немецкую. Вот когда Андрей Андреевич добьется возможности армию свою формировать - тогда пойдет дело! - заканчивает лейтенант.

Проговорили всю ночь. Только под самое утро я прилег на приготовленную мне постель из сена, покрытого серым солдатским одеялом. В 9 часов мы двинулись с Сергеем Митрофановичем в дальнейший путь, до следующего села-крепости, через лес, где, как пел наш третий спутник:

" До смерти четыре шага"...

Добровольческие воинские формирования существовали на тыловых территориях всех немецких армий, хотя верховное немецкое командование противилось участию в войне самостоятельных русских воинских формирований. Не раз Гитлер издавал приказы, подтверждающие его принципиальную установку: русских только во вспомогательные команды.

Однако, командующие армиями, частично с ведома верховного командования, частично на собственный срах и риск, создали многочисленные формирования, которые действовали в тылах, по борьбе с партизанами, стояли на охране коммуникаций, складов, мостов и т.д.

Только в тыловых районах одной армии, 2-ой танковой, по Десне и Днепру, где мне пришлось побывать в апреле 1943 года, стояло 16 стрелковых добровольческих батальонов.

Я побывал во многих селах и деревнях укрепленного района на правом берегу Десны: в Красном Рогу, Саврасовке, Утах, Колодном, Уруче, Ивановском, Монастырище, Фомнине, Мансуровке, Плюскове.

Встречи и длительные беседы с офицерами и солдатами убедили меня в том, что большинство из них - русские патриоты, что сражаются они здесь в дремучих Брянских лесах, не за немцев, к которым все без исключения относились с нескрываемой неприязнью и даже с ненавистью, а только против большевизма.

Добровольческие соединения, не крупнее батальона, иногда полки, стали создаваться еще в середине 1942 года.

Немцы относились к попыткам русских создать свою военную силу с большой осторожностью, далеко не все немецкие военачальники пошли навстречу русским антибольшевикам.

Постепенно число таких соединений все росло. После опубликования Открытого письма А.А.Власова, в марте 1943 года, вместе с патриотическим подъемом в оккупированных областях усилился приток добровольцев в воинские части.

Вообще развитие Русского Освободительного Движения характеризуется периодами спада и подъема патриотизма и надежд на победоносный для русского народа исход войны, с которым связывалось, во-первых, крушение большевизма и, во-вторых, построение свободной независимой России. И то и другое связывали именно с Освободительным Движением. В победу одного немецкого оружия уже не верили, да и не ждали ничего хорошего от этой победы. В Освободительное же Движение верили твердо, верили, что русский народ, получивший в руки оружие, освободит Россию сам.

Первые сведения о Власове, ставшем потом символом Движения, появились в конце 1942 года. В декабре 1942 или в январе 1943 года из Болховского района Орловской области к нам в Орел привезли Декларацию Русского Комитета, подписанную генерал-лейтенантом А.А.Власовым, председателем Комитета, и генерал-майором В.Ф.Малышкиным, секретарем Комитета. Рядом с подписями стояла дата:
"12 декабря 1942 г., Смоленск".

Декларация, получившая потом наименование Смоленской, призывала народ к свержению сталинской тирании и освобождению России.

В 13 пунктах декларации указывались основные положения построения новой России.

А именно: установление полного равенства всех народов России и создание новой государственности, социальные и экономические мероприятия, направленные на поднятие благосостояния народа, ликвидация колхозов и передача земли крестьянам, ликвидация принудительного труда на фабриках и заводах, свобода творчества интеллигенции, гарантия неприкосновенности личности, освобождение политических заключенных.

Никаких официальных сообщений ни о декларации, ни о самом Комитете не последовало. Только в некоторых газетах занятых областей промелькнули статьи и заметки с сообщениями о создании комитета.

Слухи, тем не менее, росли и ширились: "Создается русское правительство", "Формируется армия"...

Никаких подтверждений слухи не получили. За подъемом наступило разочарование, упадок духа.

В марте 1943 года появилось открытое письмо Власова.

Снова, как и смоленская декларация, письмо вызвало волну патриотического подъема. Письмо обсуждали в редакциях газет, в учреждениях, в воинских частях. Разбирали его по строчкам, повторяли последние его слова:

"Россия - наша. Прошлое Росси - наше. Будущее России - тоже наше!"

Однако, раздавались и другие голоса, указывающие на то, что Власов - бывший коммунист, что он верой и правдой служил большевизму много лет. "Почему мы должны ему подчиняться?". Часть таких голосов принадлежала людям, искренно не желающим подчиняться бывшему коммунисту, не желающим признавать его вождем.

Вторая часть голосов принадлежала различным местным "вождям" и "руководителям", которые считали только себя пригодными для роли возглавителей освободительной борьбы.

Наконец, против Власова и Движения начала упорную работу большевистская агентура, не только распространявшая различные провокационные слухи, то о переходе Власова к большевикам, то об его аресте и расстреле немцами, но и не без успеха доказывавшая немцам, в различных рапортах и докладных записках, в различные немецкие инстанции военного ведомства,

гестапо, пропаганду, - что бывший коммунист - и генерал не может возглавить Движение, что формирование Русской Освободительной Армии - чрезвычайно рискованный шаг, что русские пропитаны большевизмом, что эта армия откроет большевикам фронт и т.д. и т.п. Большевистская агентура, по прямой, конечно, директиве из Кремля, делала все, чтобы затормозить развитие Движения, предотвратить положительное решение немцами русского вопроса, предотвратить формирование армии.

Весной 1943 года Власов совершил поездку по северо-западным областям России, побывал в Смоленске, Пскове, Гатчине, Дно, выступал на собраниях в городах и селах, в воинских частях, говорил о том, что волновало всех, - о России и ее освобождении.

Солдаты добровольческих отрядов, интеллигенты, крестьяне и рабочие тепло встречали человека, ранее неизвестного, но ставшего сейчас для них своим, близким. Имя Власова стало символом. Но не потому, что это был именно Власов. Мог быть и любой другой генерал. А потому, что Власов олицетворял Движение.

Население Дновского района обратилось к Власову с письмом, прочитанном на большом собрании, в котором говорилось:

"Мы, представители населения Дновского района, приветствуем Вас, как основателя Русской Освободительной Армии и верим, что час избавления России от большевистского ига наступит, и заверяем Вас, генерал Власов, что мы всеми силами поддержим Вас в общем нашем деле и все возьмемся за оружие для спасения России".

На первой конференции военнопленных генерал Малышкин сделал доклад об основах Освободительного Движения. Вскоре он же выступает в Париже на собрании русской эмиграции, со словами, прозвучавшими пророчески и предупреждающе:

"Россия может быть побеждена только Россией. Большевизм, по нашему мнению, разбить вооруженными силами извне чрезвычайно трудно, можно произвести еще несколько ударов, очень чувствительных ударов, можно одержать еще несколько побед, но окончательно уничтожить большевизм без идеологического участия самого русского народа - это представляется нам невозможным".

В том же своем докладе генерал Малышкин сказал:

"Мы верим в то, что Россия, целостная национальная Россия восторжествует, будет жить - и за это мы готовы отдать свою жизнь".

О выступлении Малышкина в Париже, в занятых областях стало известно из газеты "Парижский Вестник", отдельные номера которого завозились в Россию, от офицеров и солдат, возвращавшихся из Дабендорфа. В местных газетах о докладах Малышкина не появилось никаких сообщений. О докладе на первой конференции военнопленных подробный отчет дали "Доброволец" и "Заря", о докладе в Париже только "Парижский Вестник".

Несмотря на все препятствия, чинимые немцами, Движение продолжает развиваться, вовлекая в свою орбиту новые кадры военных, все большее число людей - работники самоуправлений, различных хозяйственных организаций, печати, полиции, отрядов самообороны и т.д. начинают считать себя участниками Освободительного Движения.

"Освободительное Движение, - писала одна из русских газет, - должно объединить всех, кто своим трудом участвует в общей борьбе.

... Движение за освобождение нашей родины от ига большевиков принимает все более и более общенародный характер".

Действительно, миллионы людей чувствовали себя участниками Движения.

Весной 1944 года в нескольких городах открылись вербовочные пункты в РОА. Поражение немцев становилось все очевиднее, но на пункты пришло немало добровольцев.

Б.В.Каминский.

Мнение о том, что под большевистским гнетом не может родиться никаких новых политических ростков, никаких идеалов - несомненно, преувеличивает тлетворное влияние большевизма на человеческое сознание. Политические идеалы не всегда, может быть, принимают реальные формы, но они есть. Стремление человека к свободе, к праву и к справедливости неистребимо. И чем сильнее большевистский гнет, тем сильнее и ярче это стремление.

Поиски реальных идеалов, воплощенных в пункты политических программ, затруднены, во-первых, условиями тоталитарного

режима, во-вторых, отсутствием положительного примера.

Что знает россиянин сегодняшнего дня? Старшее поколение помнит и знает прошлое, добольшевистскую Россию. Знает о нем хорошее, но и плохое.

Запад закрыт наглухо от взоров нашего народа. О Западе народ слышит только одно плохое. Знакомство с Европой сыграло немалую роль. Народ убедился в том, что большевики лгут, что на Западе трудящийся живет не хуже, а значительно лучше трудящегося СССР. Но - и только. Социально-политический строй Запада тоже не представляется современному россиянину идеальным.

Обстановка в занятых немцами областях никак не способетвовала становлению политических организаций, разработке программ. Немецкие власти препятствовали всяким попыткам политического общения и объединения антибольшевиков, хотя и не преследовали открыто такие попытки.

В Орле, например, весной 1943 года появился некий Н., - бывший политический заключенный советских концлагерей, который пытался создать какую-то антибольшевистскую партию, написал проект программы этой партии, довольно путанный, но не лишенный интереса, как документ того времени, как документ, написанный рукою советского человека, только что вырвавшегося из-под идеологического большевистского гнета.

Интересны тезисы к программе партии, которая возглавлялась потом Б.В.Каминским, написанные его предшественником, основателем этой партии и первым начальником Локотсково округа, инженером Воскобойником, бывшим политзаключенным.

Те, кто знал Воскобойника, вспоминают о нем, как о человеке большого ума и чистой души. Рассказывают, что он зажигал людей своей верой в светлое будущее послебольшевистской России. Погиб Воскобойник в одной из операций против партизан.

Тезисы Воскобойника, как и другие проекты "программ", появились в занятых немцами областях - и на них не мог не сказаться дух того времени, однако с фашистскими программно-идеологическими "установками" они имели общее только в одном: в отрицании капитализма.

Мне рассказывали в Брянске, что Воскобойник свои тезисы написал на основании подпольной брошюрки, которую он видел в концлагере, брошюры, изданной эмигрантской антибольшевистской

организацией. Подтверждения этому рассказу я больше не находил.

Место погибшего Воскобойника занял Бронислав Владиславович Каминский, поляк по происхождению, но, по всем свидетельствам, убежденный русский патриот, антибольшевик. Каминский тоже политзаключенный, просидевший много лет в советских концлагерях. Война застала его в Орловской области, на одном из сахарных заводов, где он работал инженером.

Каминский принял от Воскобойника только что организовавшуюся военную часть и Локотский округ, на территории которого власть принадлежала только русскому самоуправлению. По договоренности с немецким командованием, немцы не вмешивались в управление округом, получая лишь с него причитающиеся военные поставки.

Материально население жило в Локотском округе лучше, чем во всех остальных занятых немцами областях. Местное самоуправление всячески поощряло частную инициативу в развитии различных кустарных промыслов. В округе открылось несколько школ. Был даже свой драматический театр.

В середине 1943 года бригада Каминского, действовавшая против партизан, насчитывала до 10.000 человек. Во время летнего наступления Красной армии, когда фронт приблизился к границам Локотского округа, часть бригады принимала участие в боях против регулярных частей Красной армии. Каминцы показали себя умелыми солдатами.

Бригада Каминского была хорошо вооружена, хорошо обмундирована, что нельзя сказать про некоторые полицейские формирования. Например, в Могилеве мне пришлось наблюдать любопытную картину. Начальник областной полиции полковник Савостеев делал смотр школе полиции. В задних рядах выстроившихся перед ним курсантов несколько человек стояли ... босиком.

Начальник тут же учинил разнос начальнику школы.

Начальник оправдывался:

- На складе ни одной пары сапог. Писал немцам несколько раз. Все обещают прислать...

Присутствующие немцы были смущены, не меньше самого начальника школы. Взбешенный Савостеев сел на лошадь и уехал.

У Каминского такого случая вообще не могло быть.

Личность самого Каминского представляет несомненный интерес. В нем наблюдалась некоторая двойственность. С одной стороны, это был человек большого личного мужества и храбрости, с другой стороны, истерик. Человек несомненно одаренный, хороший организатор и талантливый военначальник, он не знал, однако, чувства меры. Ему, например, говорили, что он, Бронислав Владиславович Каминский - вождь новой России, и это льстило его самолюбию. В местном театре не начинался спектакль, пока он не приезжал. Каминский входил - весь зал вставал. Только после этого поднимался занавес. Местная газета "Голос Народа", выходившая под девизом "Все для народа. Все через народ", посвятила целый номер Б.В.Каминскому в день его сорокалетия, весной 1943 года.

Несмотря на наличие в отрядах Каминского элементов вольницы, в них была твердая военная дисциплина. Каминцы не допускали грабежей населения, защищали население не только от партизан, но и от немцев. Дисциплина в бригаде основывалась еще и на духе братства - и между солдатами и между солдатами и офицерами.

Солдаты любили своих командиров, как старших товарищей по борьбе. Достаточно назвать таких командиров, как - ставшего почти легендарным за свою храбрость и умелое командование - полковника Белая или майора Хомутова.

Их знали не только солдаты, их знало население далеко за пределами Локотского округа.

В 1944 году бригада Каминского была переброшена в Белоруссию, в Лепель. С бригадой ушли все местные самоуправления, часть населения. Затем бригада перешла в район Лиды.

Чтобы дополнить далеко недостаточную характеристику Каминского / пусть это сделают те из его соратников, которые его знали лично /, я должен рассказать о беседе Каминского с эсэсовским генералом, требовавшим, чтобы Каминский бросил свою бригаду на подавление Варшавского восстания.

Каминский, скрестив руки на груди, ответил эсэсовцу:

"Господин генерал, во-первых, я по происхождению поляк, во-вторых, я русский патриот. Я и мои соладаты борются только против большевизма, за свободу России. Польские повстанцы борются за свободу своей Родины. Я не могу участвовать в борьбе против них".

Вскоре после этого Каминского убили.

Переводчик Каминского, офицер его бригады, рассказавший мне об этой беседе, говорил, что он смотрел на Каминского с восхищением. В нем не было и тени рисовки. Он знал, чем рискует. Он рисковал своей головой. Не всякий в то время способен был на такой ответ эсэсовцу.

. . .

НТС.

Сергея Г. я видел несколько раз на сцене Орловского городского театра. Он лихо танцевал "русскую" в ансамбле песни и пляски, пел, конферировал. Как он появился в Орле, никто толком не знал. Он говорил, что родом из Москвы, был в плену / каблуками он, действительно, щелкая, как заправский лейтенант /, показывал и какие-то бумаги. Его любили в ансамбле за веселый нрав, за хорошие песни о России.

Я познакомился с Сергеем весной 1943 года. В небольшой, хорошей компании. Говорили... о чем могли говорить тогда? - о войне, о немцах, о большевиках... Сергей рассказывал о борьбе нашего народа против большевизма, о покушениях на Сталина. Об одном из названных им случаев покушения я знал. Рассказы Сергея настолько заинтересовали меня, что я попросил его разрешения записать все рассказанное, спросил не был ли он связан с антисоветскими организациями в России. Что-то в его рассказах, однако, показалось мне странным. Он чего-то не договаривал.

Уже через полгода в Бобруйске, когда Сергей не был уже танцором ансамбля песни и пляски, когда я его узнал ближе, а вместе с ним и его друзей, мы посмеялись, вспомнив наше первое знакомство. Мне тогда, действительно, показалось странным, что, еще совсем молодой человек, знает так хорошо о таких интересных событиях, о которых я, например, почти ничего не знал, ему же показались подозрительными мои черезчур настойчивые вопросы и черезчур, как он говорил, внимательный взгляд: меня он тогда считал "немецким наймитом".

Так состоялось мое первое знакомство с членом Национально-Трудового Союза.

Я знаю людей, которые до сих пор не верят, что Сергей - "старый эмигрант", всю жизнь проживший в Праге, никогда до войны, кроме как в раннем детстве, не видевший Россию.

Это - первая замечательная черта многих членов НТС, пришедших в Россию: они почти ничем не отличались от нас, вся жизнь которых прошла на Родине. Сумели они, пришедшие к нам, не порвать заграницей связи с Родиной, сумели жить ее жизнью.

Вполне понятно, что мы, русские, антибольшевики, сознававшие, что немцы несут Росси не освобрждение, а новые цепи, не могли удовлетвориться ни "декларацией" Центральной Белорусской Рады, ни програмой Каминского.

Мы искали путей и возможностей создания своей, русской силы. Пришедшие к нам из эмиграции члены НТС называли потом такую русскую силу "третьей силой". Дело не в названии, а в том, что идея такой самостоятельной русской силы родилась во многих местах. Образовывались группы интеллигенции, обсуждавшие возможности создания русской организации, совершенно независимой от немцев. Такие группы людей, может быть даже не отдававшие себе отчета в том, что они составляют уже какой-то эмбрион организации, появились в ряде городов. На Севере организовался подпольный союз национальной русской молодежи, который целиком вошел в НТС.

Во время войны большевики забросили в немецкий тыл немало партизан и подпольщиков, главным образом молодежь. В Ленинграде для подпольной работы в немецком тылу вербовалась студенческая молодежь. За осень 1941 года и в 1942 году было переброшено несколько парашютных отрядов, состоящих преимущественно из студентов.

Среди ленинградского студенчества наблюдались наиболее сильные, ярко выраженные антисоветские настроения. И как раз студенты-антибольшевики пошли в парашютные отряды, чтобы таким путем перейти к немцам. Один из таких отрядов, перебив нескольких коммунистов, которые являлись негласным оком НКВД, перешел в районе Пскова к немцам. В том же составе отряд, превратившись в добровольческую антибольшевистскую часть, бил потом партизан.

В Юрьеве / Дерпте / в отряд попала брошюра И. А. Ильина "Основы национального мировоззрения", изданная Национально-Трудовым Союзом / тогда национально-трудовой союз нового поколения /. На основании этой брошюры составили конспект-програму нового строя. Послали гонца для связи с подпольным центром НТС. Связь установили - и весь отряд вошел в НТС. Позже, когда немцы производили массовые аресты членов НТС, руководство отряда тоже попало в концлагерь.

Рождению в отряде идеи формирования самостоятельной российской антибольшевистской силы способствовали две встречи. Первая встреча с бывшим командиром Красной армии, сдавшимся в 1941 году в плен, попавшим в немецкий лагерь военнопленных и бежавшим из лагеря. Командир этот потом вступил в отряд. Его рассказы показали подлинное лицо немцев, врагов России. Вторая встреча, собственно даже не с человеком, а с человеческим документом, - убедила молодых антибольшевиков, что и на той стороне сражаются не только приверженцы большевизма, что и на той стороне, даже в рядах партизан немало таких, как они сами, врагов Сталина.

В одной из операций против партизан отряд окружил и разгромил большую партизанскую часть и захватил пленных. Партизаны не успели унести, что они всегда делали, своих убитых. Среди убитых нашли тело командира разгромленной партизанской части Василия Косых, тоже бывшего студента. В его военно-полевой сумке вместе с картами и военными документами обнаружили дневники, из которых узнали, что Косых был убежденным антибольшевиком. Не за Сталина сражался командир партизанского отряда Косых, а за Россию, против немцев. За Россию сражались и те, кто разбил его отряд, за Россию, но не за немцев.

К 1943 году члены НТС, пришедшие в Россию, как говорили тогда, по "зеленой дорожке", т.е. нелегально, часто рискуя немецким концлагерем и жизнью - создали многочисленные группы союза в десятках городов, от Гатчины до Одессы.

Организация находилась в глубоком подполье и не могла вести широкой работы среди населения. Условия конспирации требовали большой осторожности в подходе к людям, часто тратились месяцы, прежде чем нового человека вводили в организацию. Но, тем не менее, организация росла непрерывно. Особенно интенсивно союзные группы начали действовать ко второй половине 1943 года, во время немецкого отступления.

Фронт откатывался все дальше на Запад. Шансы на победу немцев все падали, летом же 1944 года, когда рухнул весь Белорусский фронт и Красная армия в течение нескольких дней очистила всю Белоруссию, даже самые уверенные оптимисты потеряли веру в силу немецкого оружия. Оставалась одна надежда - Освободительное Движение. Но о нем ничего не было слышно.

В это время, с начала 1943 до второй половины 1944 г. перед союзными группами / я пишу на основании своих личных воспоминаний / стояла основная задача: создание подполья НТС

в занятых Красной армией областях. Оставляли в подполье людей, склады литературы, шапирографы, пишущие машинки. Оставались главным образом новые члены НТС, знавшие местные условия.

Летом 1943 года немцы произвели одновременно в нескольких городах аресты членов НТС. Только в Брянске, Клинцах и еще в двух-трех мелких городах им удалось захватить более 30 человек. В районе Брянска аресты производил один из многочисленных немецких "зондерштабов", расквартированный в Гомеле. Арестовывали бывшие советские парашютисты, перешедшие на работу в немецкую контрразведку.

В Гомеле арестованные подвергались многочасовым допросам, избиению. Судя по характеру допросов, вопрос о ликвидации всех уже был решен, причем решался он, по всей вероятности, не только в Гестапо, но и в НКВД. Один из следователей намекнул, что с "изменниками Родины" может быть только один разговор: к стенке! Потом, когда большинству, благодаря исключительно счастливым обстоятельствам, удалось вырваться, подтвердились предположения о том, что самое активное участие в арестах принимали большевистские агенты, работавшие в органах немецкой разводки и контрразведки и Гестапо. В ликвидации самостоятельной антибольшевистской и антинемецкой силы были заинтересованы как немцы, так и большевики.

Эта сила устояла. Вышла из борьбы выросшей, окрепшей.

. . . .

На Запад.

"Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван"... -

декламирует, сидя на маленьком чемоданчике, бывший батальонный комиссар Красной армии, а теперь талантливый журналист-антибольшевик, прекрасный оратор, выступавший не раз на больших собраниях с горячими обличительными речами против большевиков, мой хороший приятель.

Поезд идет на запад. Вагон мерно покачивается. В раскрытую настежь дверь / едем мы в товарном поезде / ветер заносит запах соснового леса - последнюю прощальную весть Родины. Скоро Минск, а за ним старая граница. Прощай, Россия!

В нашем вагоне человек двадцать, все русские. У всех одно желание: чтобы поезд шел как можно скорее, чтобы не останавливался, чтобы не случилось чего-нибудь в дороге... Позади катится вал фронта. По пятам за передовыми частями, сражающимися с немцами, идут те, кто воюет только против своего народа.

Поезд, замедляя ход, идет мимо какой-то маленькой станции.

- Что такое базар, что ли? -

изумляется комиссар, перестав декламировать, высовывается из вагона.

Мы все подходим к двери. Вся привокзальная площадь забита подводами, нагруженными домашним скарбом. На подводах женщины, дети, добровольцы из отрядов, простые крестьяне. Многие мужчины вооружены. На одной подводе видим пулемет. Прямо времена гражданской войны! Налево по шоссе, насколько хватает глаз, подводы, подводы, подводы. Направо, за станцией, деревянный мост через не широкую реку. Там и образовался затор.

Железнодорожный мост, по которому медленно проходит наш поезд, только что восстановлен после того, как его взорвали партизаны. Но вот мост позади. Наш поезд снова набирает скорость.

- Прямо вся Россия уходит, - говорит комиссар. - Такого я не видел в 1941 году. Отступала армия. Бежали коммунисты. Но сейчас крестьянин уходит...

- Многие и остаются, - замечает кто-то из нас.

- Остаются, конечно,- подхватывает комиссар. Трудно ведь Родину покидать...

Поезд идет все дальше, на запад.

"О, русская земля, ты уже за холмом"...

TITLES PUBLISHED IN THE MIMEOGRAPHED SERIES IN 1952 and 1953

(Numbers 11, 14, 17, 19, 21, 29, 32, 41 and 48 in English; others in Russian)

No. 1: "Army Requisitions in Soviet Russia," 12 pp., $0.25
* No. 2: "Soviet Requisitions in Occupied Germany," 17 pp., $0.25, out of print
✓ No. 3: "Administration of Azerbaijani Industry," by Andrew Naidenov, 19 pp., $0.25
No. 4: "Kamchatka: Survey and Recollections," 93 pp., $1.00
No. 5: "Conditions of Research in Soviet Biology," 123 pp., $1.00, out of print
* No. 6: "Soviet Economic Administration in Postwar Germany," 37 pp., $0.50, out of print
No. 7: "The Moscow Literary Museum and Archives," 21 pp., $0.25
No. 8: "Political Work in the Soviet Army," 74 pp., $0.75
No. 9: "Electrification Plans and the Deficiency of Electric Power for Industry in the Soviet Union," 48 pp., $0.50
No. 10: "Party and Administration in the Leningrad Agricultural Institute," 33 pp., $0.30
* No. 11: "Soviet Operation of Uranium Mines in Eastern Germany," 14 pp., $0.25, out of print
No. 12: "Lenin School for Training of Political Officers of the Soviet Army," 15 pp., $0.25
No. 13: "The Shelter-Belt Project: Postwar Forestation in the U.S.S.R.," 47 pp., $0.50
No. 14: "Soviet Military Intelligence: Two Sketches," 24 pp., $0.35
No. 15: "Notes of a Political Prisoner," 52 pp., $0.50
No. 16: "The Operation of a State Farm," 28 pp., $0.30
No. 17: "Soviet Security Agencies in Postwar Poland," 12 pp., $0.25
No. 18: "Soviet Generals: Personalities, Attitudes and Conflicts," 46 pp., $0.50
No. 19: "The Cost of Construction of Metallurgical Plants in the U.S.S.R.," by Sergei Koptewski, 76 pp. with tables, $1.20
No. 20: "Construction Materials of the Northern Caucasus," 73 pp., $1.00
No. 21: "Herbs Used in Ukrainian Folk Medicine," by Natalia Ossadcha-Janata, 114 pp., $1.25
No. 22: "An NKVD Sovkhoz in the Altai Region," by S. Belosor, 28 pp., $0.35
✓ No. 23: "Prospects for Oil Output in the U.S.S.R. by 1960," 22 pp., $0.30
No. 24: "Some Aspects of Soviet Price Policy," by Peter Uranov, 80 pp., $1.00
No. 25: "Soviet Forestation: Agricultural and Social Significance," by Vladimir Lindemann, 57 pp., $0.70
No. 26: "Technical Institutes in the U.S.S.R.," by Jakow Budanow, 39 pp., $0.40
No. 27: "Soviet Political Personalities: Seven Profiles," 23 pp., $0.35
No. 28: "Some Aspects of Kalmyk History and Society," 30 pp., $0.40
No. 29: "The Soviet Urban Housing Problem," 16 pp., $0.25, out of print

No. 30: "Political Indoctrination in the Soviet Postwar Army," 29 pp., $0.35
No. 31: "The Soviet Movie Industry: Two Studies," by Paul Babitsky and Martin Lutich," 83 pp., $0.95
No. 32: "The Law of the Grand Duchy of Lithuania: Background and Bibliography," by Leo Okinshevich, 53 pp., $0.75
No. 33: "Kolkhoz Mechanization," by S. Belosor, 81 pp., $0.90
No. 34: "Byelorussian Communism and Nationalism: Personal Recollections," by S. Krushinsky, 81 pp., $0.90
No. 35: "Soviet Population Trends, 1926-1939," by Basilius Martschenko, 41 pp., $0.50
No. 36: "Party and Political Organs in the Soviet Army," by I. Dmitriev, 59 pp., $0.65
* No. 37: "Soviet Dismantling of Equipment in Postwar Germany," by Vladimir Alexandrov, 28 pp., $0.35
No. 38: "The Science of Fertilization in Ukrainian Agriculture," by Gregory Makhiv, 97 pp., $1.05
* No. 39: "The Administration of the Coal Industry in Soviet-Occupied Germany," by Mikhail Mab, 19 pp., $0.25
No. 40: "Pereval: The Withering of Literary Spontaneity in the U.S.S.R.," by Gleb Glinka, 110 pp., $1.20
No. 41: "The Introduction of New Plants in Soviet Agriculture: Supervision and Control," by Nestor Korol, 16 pp., $0.30
No. 42: "Higher Technical Training in the U.S.S.R.," by Nicolay Ivanov, 38 pp., $0.50
No. 43: "The 1952 Plan for the Draining of the Pripet Marshes," by G. Kazakov, 27 pp., $0.40
No. 44: "Religious Communes in the U.S.S.R.," by K. Petrus, 73 pp., $0.85
No. 45: "The Pushkin Edition of the U.S.S.R. Academy of Sciences," by L.L. Domherr, 110 pp. plus photostats, $1.50
No. 46: "The Concise Philosophical Dictionary: A Critical Review," by Alexander Philipov, 58 pp., $0.70
No. 47: "Urban Construction in the Soviet Union," 33 pp., $0.45
No. 48: "Lespromkhoz as an Administrative and Production Unit," by P. Nikitin, 82 pp., $0.95
No. 49: "Cultural Life in the Tatar Autonomous Republic," by T. Dawletschin, 45 pp., $0.55

/ Available in English in Materials on the Soviet Petroleum Industry, Research Studies Institute, Air University, Maxwell Air Force Base, Alabama, July 1953.

* These papers have been published by the Research Program in English in its STUDIES ON THE U.S.S.R. No. 3, Soviet Economic Policy in Postwar Germany, 184 pages; $2.25. Nos. 37 and 39 are still available in Russian in mimeographed form.

Note.--Authors' names are listed above only when they appear on the printed manuscripts.